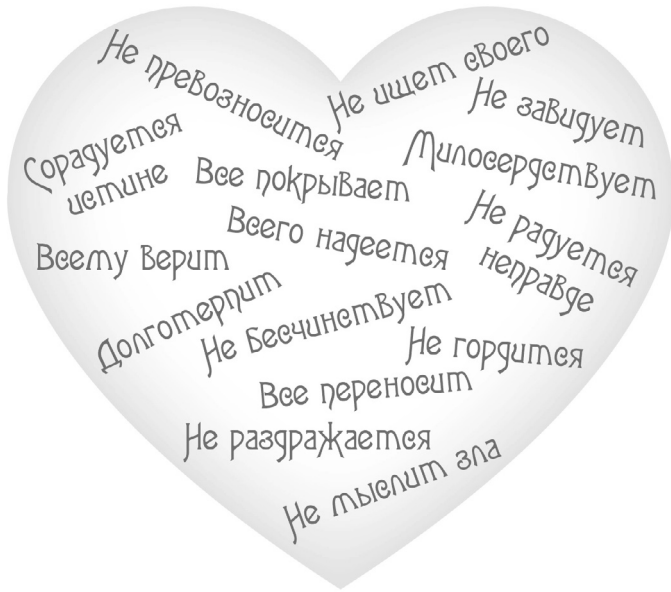

Михаил Карповецкий

ЛЮБОВЬ

НИКОГДА НЕ ПЕРЕСТАЕТ

Варух

Київ • 2019

ББК 86.376
К77

Цитати з Біблії взято з Синодального перекладу,
крім місць, які вказані окремо.

КАРПОВЕЦЬКИЙ, Михайло

К77 Ніколи любов не перестає!/ М. Карповецький. — К.: Варух,
2019. — 104 с.
ISBN 978-617-510-170-4

В этой захватывающей истории вы найдете много интересного и поучительного. В ней есть и радость, и горе, и приключения, и война, и много юмора. В ней отразились особенности еврейской национальной культуры, география Израиля и даже политика.

Но самое главное в этой книге — история жизни, пронизанная любовью, которая сходит с Небес и наполняет жизнь истинным смыслом. Только любовь делает жизнь неизменно прекрасной, дух — крепким, а сердце — сильным. Только с любовью можно преодолеть все испытания, только в ней источник мудрости, силы и вдохновляющей красоты, потому что Бог есть Любовь.

Перед вами раскрывается судьба человека, ищущего смысл жизни. И результат этого поиска — Бог, Который открывает Небеса и посылает нам невообразимо яркую любовь, которой не перестаешь удивляться.

Любовь сильнее смерти, потому что она НИКОГДА НЕ ПЕРЕСТАЕТ!

ББК 86.376

Видавництво «Варух»
www.baruch-books.com
Facebook: Варух

ISBN 978-617-510-170-4

© М. Карповецький, 2019

Содержание

Кейла, вам что, жалко?	7
Лучше гор могут быть только горы	15
Если я пойду и долиною смертной тени... ..	20
Смертельный перевал	23
В поисках истины	25
Только истина сделает вас свободными	30
Верую!	34
Любовь покрывает множество грехов	36
Трудности национального перевода	46
Возлюби ближнего твоего, как самого себя	51
Семь сорок	57
Тернистый путь испытаний	67
Глазами ближнего	72
Бог с нами	82
Эпилог	92
Луч надежды	94
Послесловие	102

Любовь никогда не перестает

Все в этой жизни суетной не вечно:
Пройдут века — и смолкнут языки,
И времена все протекут рекою быстрой,
Пророчества и знания нам станут не нужны.

Под небом голубым всему есть время.
Одна пора сменяется другой...
Но тот, кому Господь любви посеял семя,
В душе своей он будет вечно молодой.

Жизнь без любви — как пристань без причала.
Надеждою Небес полна любовь Творца.
Коль примешь верою Того, Кто без начала,
Он жизнь тебе подарит без конца.

Михаил Карповецкий

Если вы спросите меня (а евреи всегда спрашивают!) о том, какой народ самый веселый, я вам отвечу (а евреи всегда отвечают вопросом на вопрос!): «А вы сами как думаете?»

Кто-то скажет: «Цыгане самый веселый народ. Посмотрите на их зажигательные танцы и песни!»

«Возможно!» — отвечу я.

Другой возразит: «А может, грузины?»

«Безусловно! — отвечу я. — Грузинский темперамент известен всем, как и темперамент других кавказских народов».

«А может, русские — после того как выпьют? Или украинцы, после того как *з'їдять шматок сала з цибулею і чорним хлібом?*»

И с этим аргументом я не могу не согласиться!

Но думаю, что все согласятся со мной, если я отвечу, что все-таки самый веселый народ — евреи! Может быть, потому, что им больше всех досталось, — и они пытаются скрыть свою глубокую печаль за маской радости? А может быть, они научились радоваться, когда шли *долиной смертной тени?* Пусть каждый ответит на этот вопрос для себя сам.

А я радуюсь, потому что я тоже еврей и потому что знаю: в сердце нашего народа, собственно, как и у всех других народов, независимо от национальности, культуры и любимых блюд, живет НАДЕЖДА! И эта НАДЕЖДА — ИЕШУА!

Кейла, вам что, жалко?

Оглядываясь назад, в свое безоблачное детство, я вспоминаю бабушку Кейлу. Она была для меня человеком, о каких говорят, что это добрый ангел-хранитель. Я, конечно, не верил в ангелов, как не верил и в то, что есть Бог, сотворивший небо и землю. Но мое неверие требовало какой-то замены, как это часто бывает у всех неверующих людей.

Моя бабушка выросла в провинциальном еврейском местечке, в городке Чуднов Житомирской области, где большую часть населения составляли евреи. Тихий городок, где живописно течет речка Тетерев, где воздух весной наполнен ароматами сирени... В памяти остались и кучки навоза на дорогах — я часто наблюдал за пробежавшими мимо лошаадьми, запряженными в повозки. Здесь, во дворе, где озабоченно сновали курочки и важно прохаживались индюки, прошло мое раннее детство.

В нашем доме собирались евреи и что-то бурно обсуждали на незнакомом мне языке. А может, и на знакомом, только мне, двухгодовалому младенцу, все равно было не понять, о чем они говорили. В то время я хорошо понимал только добрые бабушкины руки, которые гладили меня по голове, и ее искренний, полный любви голос, говоривший мне: «Мизузан

Город Чуднов

фар дир, мизузан фазан ей дарейвех («Чтоб мне было за тебя, чтоб мне было за каждую твою косточку»).

Все дело в том, что родители отправили меня к бабушке лишь на время, чтобы решить вопрос с проживанием в большом индустриальном городе Харькове, куда меня потом забрали. Но привязанность бабушки ко мне была такой сильной, что она оставила все свое хозяйство и переехала вместе со мной к родителям.

Только потом, уже будучи взрослым, я осознал ту жертву, которую принесла моя бабушка, оставив все, что у нее было, в Чуднове и посвятив себя мне.

Так, в любви и гармонии, прошло мое детство... Я тогда не мог и представить, что мне предстояло узнать, что есть жертва, намного более превосходная.

Взрослеть мне пришлось слишком быстро: реальность жизни резко ворвалась в мое детское сознание. Это случи-

лось внезапно; в первую минуту я даже не понял всего ужаса происходящего, когда из уст моего старшего брата Лени прозвучали слова: «У нас больше нет мамы, она умерла...» И только потом жгучая острая боль пронзила всю мою детскую душу осознанием, что я больше не увижу маму, которая была для меня центром жизни, не встречу ее строгий, но полный любви взгляд, не услышу нежный, глубокий голос, не почувствую мягкого прикосновения ее руки...

Особенно тяжело было видеть страдания отца после смерти мамы, его бессонные ночи, пачки выкуренных сигарет; слышать слова, полные отчаяния и безмерной грусти: «Я бы все отдал, чтобы она была жива», и непрошенные слезы, постоянно наворачивающиеся на глаза...

Отец ушел из жизни так же внезапно, как и мама. Он оставил мне яркий пример супружеской любви и преданности, отцовской заботы и участия.

С уходом родителей я ощутил в душе пустоту, которую неудержимо хотелось чем-то заполнить.

Родители мечтали, чтобы я учился в институте, и я стал студентом. Студенческие годы обычно считают самыми веселыми годами жизни. И я, подобно царю Соломону, весельем пытался заглушать в себе голос одиночества. Я проводил время в веселых студенческих компаниях, увлекался танцами, театром, участвовал в бесчисленном множестве различных мероприятий... Но все это была суета и томление духа.

У меня из головы не выходили вопросы: «Где сейчас мои родители? Слышат ли они меня, видят ли? А что будет со мной, когда настанет моя очередь? Зачем вообще

Семья Михаила

человек живет, если потом все равно умирает? И вообще в чем смысл жизни?»

Я видел страдания моей бабушки, слышал непонятные мне молитвы на идиш, в которых она перечисляла всех своих родных сестер, которые не успели эвакуироваться и были расстреляны. Мирьям, моя мама, была у бабушки единственной дочерью, а мой дедушка Меир, ее муж, пропал без вести во время войны. Бабушка очень болезненно переживала уход моего папы из жизни. Она говорила: «Фима был для меня как сын».

Папа тоже часто рассказывал о своих родителях, которые жили в городе Бердичеве. У бабушки Леи и дедушки Гриши было трое детей, и папа — старший. Его сестра, тетя Шура, так и осталась жить в Бердичеве, и мы с родней часто собирались у нее. Этот город — очень известное место в среде евреев, и не только потому, что там находит-

Кейла, вам что, жалко?

Тетя Шура с сыновьями Юрием и Семеном

ся могила еврейского праведника. В этом городе жила моя родная тетя Шура, которая работала в парикмахерской при городской бане! Даже если вы не еврей, вы понимаете, что в этой парикмахерской годами накапливалась информация обо всех жителях города Бердичева, и, поверьте, «объем памяти» у моей тети был намного больше, чем у самого крутого современного компьютера!

У тети были два сына, Юрий и Семен.

Она была хозяйкой большой квартиры, куда съезжались все родственники, среди которых я встретил папиного младшего брата Леню и его детей: Ирину и Лариона.

Ирина стала моей любимой сестрой. Может, потому, что мы с ней сдружились еще в Бердичеве, а потом она с дядей приезжала к нам в Харьков? Или потому, что мы любили с ней гулять, бурно обсуждая различные темы? А может, причина была в том, что мы однажды застряли

Сестра Ирина

в лифте, просидев там целых два часа, и мне пришлось пережить истерику моей сестрички? Да это и не важно; главное — есть что вспомнить!

После этого я часто бывал у них в гостях в Запорожье, а мой дорогой дядя постоянно уговаривал меня туда переехать. Но, хотя у дяди я себя чувствовал по-родственному, согласитесь, Запорожье — это не Бердичев.

Я часто вспоминаю, с какой радостью и любовью нас встречала тетя Шура. Как она нас вкусно кормила, приговаривая: «Ой, детки, вы поправились и сразу стали очень красивые!»

Кроме тети Шуры у нас в Бердичеве была еще одна тетя по маминой линии, тетя Биля. И всегда, приезжая в Бердичев и останавливаясь у тети Шуры, мы шли к тете Биле в гости. Однажды мой дедушка Гриша спросил: «А где наш Музейчик?» (Так они ласково любили меня называть.) На что тетя, не задумываясь, ответила: «У Били». Дедушка в ужасе воскликнул: «Вейзмир! (Боже мой!) Как это — убили?!» И лишь узнав, что я жив и здоров и просто нахожусь в гостях у тети Били, он успокоился.

Папа любил рассказывать о своей родне. И любимой темой его рассказов были события оккупации Чуднова немцами. В последний момент мои родные успели уехать на подводе. Дедушка с бабушкой их отговаривали: жалко ведь все бросить и уехать в неизвестность.

Кейла, вам что, жалко?

Тетя Биля

Папа говорил: «Если бы мы этого не сделали, немцы перестреляли бы нас всех. А так — я спасся, у меня два сына. Спасся мой брат Леня, и у него есть сын и дочка. Спаслась Шура, у которой тоже два сына. Поэтому сегодня наш род такой большой. А если бы мы остались, пожалев свои шмотки, мы потеряли бы жизнь».

В Харькове вместе с нами жил еще один еврей из Бердичева — дядя Исаак. Его национальность можно было легко определить по внешности: он был маленького роста, с большим (на все лицо!) и очень выразительным носом. Дядя всегда был одет в костюм зеленого цвета с множеством орденов, которыми очень гордился. Картину дополняла соломенная шляпа. Когда он с бабушкой Кейлой сидел на лавочке, ноги его болтались, не доставая до земли, и, глядя снизу вверх, прямо в лицо моей бабушке, дядя Исаак вел с ней нескончаемые диалоги на идиш. Причем они делали это настолько громко, что мужчины, игравшие в домино на стоящем невдалеке столе, часто бросали игру и слушали, тщетно пытаясь понять, о чем идет разговор.

Однажды, зайдя домой, я стал свидетелем весьма интересного разговора. Моя бабушка сидела на кухне с дядей Исааком, и они, как всегда бурно, что-то обсуждали. Вдруг я услышал, как дядя Исаак сказал на ломаном русском: «Кейла, не волнуйтесь, я видел этого человека, видел, как

он молится, так будьте уверены, пишите ваши родственники». Я понял, что дело идет об умерших родственниках, о которых произносится специальная молитва.

Я и сам в Киеве посетил синагогу, где просил помолиться о моих родителях. Там я впервые открыл для себя, что мой папа Ефим на самом деле Хаим, а мама Мария — Мирьям.

Когда бабушка закончила писать список родственников, растянувшийся на два листа, дядя Исаак встал, сделал торжественную паузу, при этом внимательно просматривая список, и убедительно сказал: «Так, это будет стоить двадцать пять рублей». На что моя бабушка громко воскликнула: «Ни за что!» — и начала вычеркивать родственников одного за другим. Дядя Исаак изменился в лице, как будто его обсчитали на большую сумму денег, и крикнул: «Кейла, вам что, жалко? Ну ладно, давайте ваши пятнадцать рублей, а десять я из своих добавлю».

Лучше гор могут быть только горы

Как вы думаете, что лучше: горы или море?

Многие скажут: «Конечно море! Посмотрите, как оно красиво разливается, как обрушиваются на берег пенящиеся волны, оставляя на песке тину, ил и разные ракушки. Посмотрите, как сверкает морская гладь в лучах восходящего солнца и как ярко-красный круг солнца на закате скрывается за линией горизонта, зажигая алым отсветом волны! В такой момент вдруг представляешь, что, если сейчас прикоснуться к воде, непременно раздастся шипение, похожее на шипение раскаленного утюга, если (как все мы тайком от родителей делали в детстве!) наслюнить палец и дотронуться к нему. А сколько радости плескаться в море, загорать на песчаном пляже, наблюдать за кораблями, яхтами и, не переставая удивляться, смотреть, не отрывая глаз, как десятки серфингистов, оседлав гигантские волны, скользят по их снежным вершинам, бросая вызов стихии...»

Но другие возразят: «А горы все равно лучше! От одного взгляда на их снежные вершины захватывает дух! Как пел Владимир Высоцкий, “лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал”».

Моя проблема состояла в том, что мне уже перевалило за двадцать, а я не видел ни того ни другого, разве что

по телевизору. И вот неожиданная новость: от профсоюза студентов мне на пятом курсе выделили путевку в санаторий под названием «Якорь», который находится на 16-й станции Большого Фонтана в знаменитой Одессе!

Приехав, я незамедлительно, бросив вещи в номере, побежал на пляж. И когда, вдоволь накупавшись, вернулся в гостиницу, увидел следующую картину: первый этаж стоит, третий стоит, а второго нет! Я к администратору, а он разводит руками и говорит, что администрация за мелкие хищения не отвечает.

Вы, конечно, улыбнетесь и скажете:

— Ну, Миша, у тебя и шуточки!

— Конечно, — соглашусь я, — ведь в Одессе нельзя по-другому!

— А почему нельзя по-другому?

— Да потому что там живут похожие на меня люди, которые никак не могут справиться только с двумя вещами: с чувством юмора и с хорошим аппетитом.

Хочу сказать, что отдых в Одессе пошел мне на пользу: не только потому, что там проводили аутотренинги, на которых у меня послушно теплели и тяжелели руки; главным было то, как и обещали в рекламе, что получасовая морская прогулка продлевает жизнь на двадцать лет, поэтому после нескольких таких прогулок я почувствовал себя как только что родившийся ребенок.

Ну а если шутки в сторону, то причина, по которой мне дали путевку, была отнюдь не радостной. Мой старший брат Леня женился. Его женой стала молодая девушка лет восемнадцати, обладательница ослепительной улыбки: когда она улыбалась, в ее приоткрытом рту ослепительно

сверкали... золотые зубы! Это и произвело на Ленчика неизгладимое впечатление, от которого он не мог больше спать. Он уже представлял, как получит большое приданое и будет купаться в роскоши.

«Ну так это же классно!» — скажете вы. Да... Но жизнь у него не пошла. Когда он возвращался с работы, они с женой целыми вечерами играли в карты; кто проигрывал, тот шел жарить картошку. Если что-либо не устраивало Татьяну, то есть жену Ленчика (да, ее звали Татьяна, но она даже не собиралась быть похожей на ту Татьяну, которая стала знаменитой героиней поэмы Пушкина), она тут же устраивала такой гвалт, что кровь застывала в жилах. Моя бедная бабушка Кейла не выдержала: она слегла и вскоре оставила этот бранный мир.

Через некоторое время Ленчик попал в дорожную аварию и пролежал два месяца в больнице со сломанным тазом. Воспользовавшись тем, что Ленчика посещали не только друзья, но и подруги, Татьяна закатила сцену ревности. Тут уж Ленчик не выдержал и, так и не дождавшись приданого, развелся.

От всех этих событий у меня напрочь пропала мотивация учиться в институте, и тогда мне и дали эту путевку.

Отдых, в целом, прошел хорошо, но проблемы остались прежними...

Как-то к одному ребе пришел посетитель со своей проблемой.

— Ребе, невозможно жить. Я, жена, наши дети, наши родители — все мы ютимся в однокомнатной квартире.

— Купи собаку.

— Да куда мне собаку? — удивился посетитель.

— Купи собаку, — настаивал неумолимый ребе.

Через месяц еврей пришел опять.

— Ребе, совсем плохо стало, деться некуда: собака все время по дому бегает, дети орут...

Ребе, подумав, посоветовал:

— Купи козу.

— Как это — козу? — возмутился посетитель.

Но все-таки последовал совету ребе.

В следующий визит посетитель роптал еще больше.

— Ребе, было плохо, а сейчас — еще хуже! И так некуда было деваться, а сейчас еще и коза... Она гадит прямо в доме, все просто стонут, сплошной кошмар!

— Купи корову!

— Но ребе, это уж чересчур!

— Я тебе сказал: купи корову!!!

Придя снова, посетитель уже не роптал, а дико вопил:

— Вейзмир вындезмир!!! (Боже мой, Боже мой!) Ребе, ногу некуда поставить!

Тут ребе улыбнулся и сказал:

— Ну а теперь продай собаку, козу и корову.

Через день посетитель пришел к ребе радостный и просто сиял от счастья.

— Спасибо, ребе! Так хорошо, так свободно стало!

Эта старая еврейская притча доказывает: все познается в сравнении. И всегда, чтобы понять, что такое *хорошо*, нам иногда нужно окунуться в то, что *плохо*.

Сейчас, оглядываясь на мой жизненный путь, я могу сказать, что лучше моря могут быть только горы.

У каждого человека в жизни свои горы проблем, забот, горы испытаний, невзгод и неудач. Но есть одна невысокая гора, которая, однако, возвысилась над всеми. Это Голгофа. Именно на этой горе мы можем избавиться от теснящих нас «коз», «коров» и любых других житейских проблем, мешающих заглянуть в вечность, возрадоваться и сказать вместе с нашим соотечественником, которого одни называют рабби Шауль, а другие — апостол Павел (но от этого значение сказанного им не меняется!):

*Ибо думаю, что нынешние временные страдания
ничего не стоят в сравнении с тою славою, кото-
рая откроется в нас.*   ≈ Римлянам 8:18

Но, прежде чем я смог взойти на эту гору, Господь про-
вел меня через смертельный перевал...

Если я пойду и долиною смертной тени...

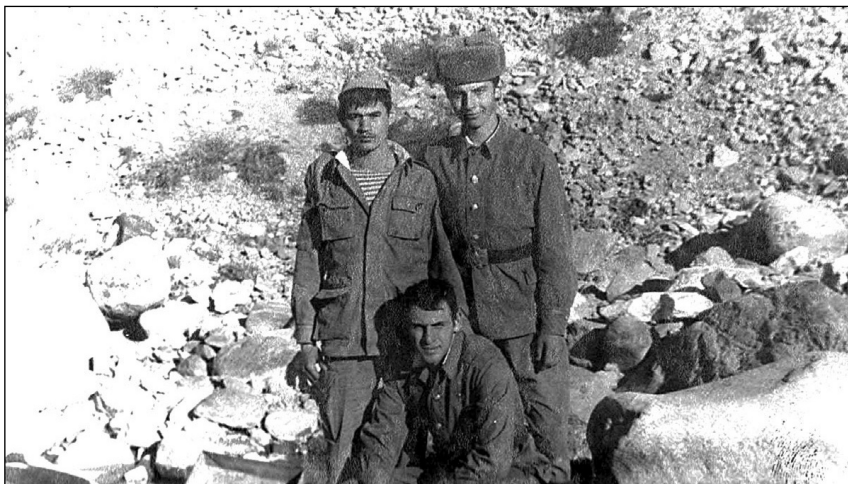
Переступая порог военкомата, я рассчитывал, что дела мои обстоят совсем неплохо: осенью — расставание, весной — встреча. Полтора года срочной службы после института без военной кафедры — в этом есть свое преимущество. Не знал я тогда, через что мне предстоит пройти и как это повлияет на всю мою будущую жизнь...

И вот эшелон уносит нас вдаль. За окном мелькают разные селения, а новобранцы шныряют по вагонам, задавая всем подряд один и тот же вопрос: «Куда едем?» Один из сопровождающих, наконец, с ехидной улыбкой на губах, отвечает: «Команда 20-А, Туркестанский боевой округ, Афганистан...»

К этому времени я (как и большинство в моем призыве) уже не был неопытным юношей, у которого в крови гуляет адреналин и кого тянет на приключения. Перед глазами вдруг промелькнула вся моя жизнь. «А что если я не вернусь назад?»

Неумолимо захотелось жить, любить и быть любимым, создать семью... Но поезд нес меня в неизвестность.

Если я пойду и долиною смертной тени...

В Афганистане

И тогда, первый раз в жизни, полный отчаяния, я обратился к Тому, в Кого не верил, над Кем смеялся и Кого хулил: **«О Боже, если Ты есть, сохрани меня!»**

Полгода в учебной школе в Ашхабаде, полгода издевательств и унижений, бессонных ночей и физического изнеможения на грани возможного показали мне, насколько человек может опуститься, но также и то, что человек способен выдержать в экстремальной ситуации.

Нас готовили в Афган как скот на убой. На занятиях командиры внушали нам, что радиостанция, на которой мы работаем, начинена взрывчаткой и не должна попасть в руки врага. Постоянно звучали слова: «Вы — смертники, вы обречены». Запомнились мне слова одного офицера, который, якобы проявляя заботу, сказал: «Этот Новый год нужно отметить весело, потому что для многих из вас он будет последним».

В последний день перед отправкой в Афган мне выпала увольнительная. Первый раз за полгода я вышел за пределы части. Перед выходом один мой друг, старослужащий, сказал мне: «Если не хочешь завтра отправиться в Афган, выброси военный билет, скажешь, что потерял; пока его будут восстанавливать, пройдет время, а вместо тебя отправят другого».

И вот я стал перед искушением: как быть? Сохранить свою жизнь? Но если тот, другой, пойдет вместо меня и погибнет — как я смогу дальше жить с этим?

Тогда я еще не знал Того, Другого, Кто так любил меня, что отдал Свою жизнь, чтобы спасти меня от вечной гибели. Мне вспомнились слова, которые часто повторяли мои родители: «Никогда не делай другому того, чего себе не желаешь». И я принял решение, что не буду «терять» военный билет.

Снова моя жизнь пронеслась у меня перед глазами, и какая-то неведомая сила заставила меня вновь повторить эти слова: **«Бог, если Ты есть, спаси меня!»**

Смертельный перевал

Перевал Саланг, 4500 метров над уровнем моря. Он стал главным перевалом в моей жизни.

В нашем комендантском взводе спиртное лилось рекой, стоял густой дым от чарса (афганский гашиш). Над молодыми солдатами издевались постоянно и изощренно. Очень трудно оказалось не поступиться собственными принципами, быть не таким, как другие.

Перевал Саланг

Черный тюльпан

Но самым страшным была постоянная стрельба вокруг гарнизона: душманы-снайперы стреляли в наших солдат из-за укрытий в своем лагере. Кроме того, жизнь солдат уносили снежные лавины. А по ночам в наши подразделения тайно пробирались моджахеды и вырезали наших солдат, пока те

спали. Утром на строевой мы с грустью отправляли «груз 200» — своих погибших друзей — на «черном тюльпане» (так назывался самолет, перевозивший тела).

И все-таки красота гор манила меня своей девственностью и величием мироздания. Оставаясь наедине с самим собой и созерцая огромные пики гор, переливающиеся всеми цветами радуги ледники, я поднимал голову и молился, как в той песне: «Я поднимаю очи с надеждой на горы белоснежные Твои. Знаю, что придет помощь Твоя с тех великих гор, где живешь Ты, Господь».

Я не знал, где живет Господь и есть ли Он вообще. Но мне хотелось молиться, и я снова и снова посылал в пространство вопль моего сердца: «Услышь меня! Я — маленький, жалкий человек, оказавшийся на самом дне мироздания. Вознеси меня к тем вершинам, чтобы я мог увидеть, к чему так стремится душа моя...»

В поисках истины

Прошла унылая осень, а затем — и суровая зима... Наконец, и на перевал Саланг пришла весна, а вместе с ней и демобилизация.

Весна всегда была для меня самым прекрасным временем года. И вот я иду по улицам родного города, вдыхая весенний аромат, наслаждаясь пением птиц, цветением деревьев и предвкушая радость встречи с своими близкими и друзьями, ставшими мне родными, с которыми я переписывался в эти тяжелые годы службы.

Неожиданно нахлынули воспоминания, вернув меня к тем моментам, когда, обращаясь к Господу, я снова и снова повторял: **«Боже, если Ты есть — спаси меня!»** Мне хотелось верить, что Бог услышал меня. Сейчас я, живой и здоровый, с руками и ногами, избежав малярии и тифа, иду по улицам родного города.

Мне захотелось поблагодарить Бога. Но вопрос возник сам собой: «Кого? А может, Бога и нет вообще, а все это — игра моего больного воображения?..»

Снова я вспомнил своих родителей, которые учили меня быть принципиальным и честным. Годы учебы также не прошли даром, сделав меня последовательным аналитиком. И к тем вопросам, которые я себе задавал: «Есть ли жизнь после смерти? В чем смысл жизни?» — прибавились еще два: «Существует ли Бог?»

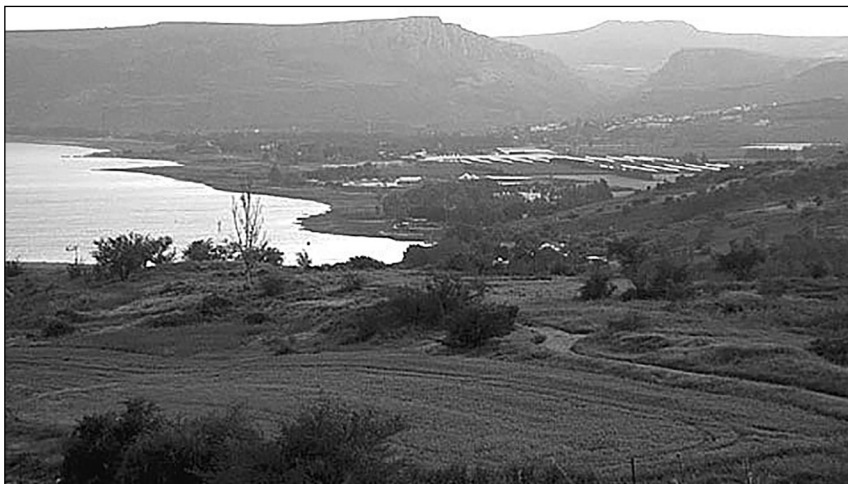
и «Если Он действительно существует, то какая религия истинная?»

Мои внутренние поиски совпали со временем, когда мы с братом эмигрировали в Израиль. К тому моменту я перечитал множество разного рода литературы: по буддизму, даосизму, конфуцианству, индуизму и каббале. Но чем больше я вникал в суть разных религий и верований, тем больше запутывался в дебрях различных доктрин. Мне казалось, что все эти религии похожи на спагетти: не знаешь, где начало, а где конец.

Здесь, в Израиле, одиночество ощущалось еще острее. Непривычная обстановка, отсутствие друзей, с которыми мог бы разделить время в общении... Здесь все было по-другому: другая страна, другие люди, к которым нужно относиться с осторожностью, если хочешь сберечь жалкие крохи, выданные тебе в Министерстве абсорбции на устройство в новой стране; другой язык, на котором наши предки разговаривали две тысячи лет назад, а мне сейчас он ну никак в голову не лезет! В это время мне еще больше захотелось иметь друга, которому можно рассказать все, что наболело на сердце. И, как когда-то, опять какая-то неведомая сила снова заставила меня сказать эти слова: **«Боже, если Ты есть, скажи мне, Кто Ты! Где Ты? Откройся мне, я жажду встречи с Тобой!»**

Однажды меня пригласила в гости молодая пара, с которой мы вместе ходили на занятия по ивриту. Я был рад хоть с кем-то пообщаться и решил принять приглашение.

Эти люди оказались христианами, и у нас завязался долгий религиозный спор. В то время я уже был довольно начитанным и эрудированным, но к христианству у меня,

Устье Иордана, впадающего в Мертвое море

как и у большинства евреев, было очень негативное отношение. Единственное, что меня привлекало в этой паре, — это радость, озарявшая их лица, их сияющие улыбки. Я не выдержал и спросил:

— А чему, собственно говоря, вы так сильно радуетесь?

Они, указав на вид, открывавшийся из окна, сказали:

— А разве ты не видишь, какая вокруг красота? Посмотри: там, на противоположном берегу Генисаретского озера, город Капернаум.

— Ну и что, что Капернаум? — спросил я. — Чем таким он знаменит?

— Как, ты не знаешь? — удивились мои знакомые. — Это же город, где Иисус, или на иврите Иешуа, совершил множество чудес!

Эта семья решила просветить меня — мне подарили при расставании Библию.

Я был очень рад возможности иметь эту книгу, потому что много о ней слышал и много читал. Мне посоветовали начать с Нового Завета. Но всякий раз, когда я пытался читать Библию, глаза мои становились свинцовыми, я путался в родословиях, блуждал в теологических дебрях... Все было так же, как и при знакомстве с другими религиями.

Однажды, когда я вновь встретился с этой семейной парой, они обратили мое внимание на пророчества Ветхого Завета. Я был в то время холодным, рассудительным реалистом, и мне никогда не приходилось сталкиваться со сверхъестественным.

От удивления я даже подпрыгнул. «Как пророки, которые жили до пришествия Христа, могли в точности описать место Его рождения, время Его пришествия, Его жизнь, смерть, воскресение и даже вознесение?!»

И я решил, что здесь обязательно присутствует какой-то подвох. «По-видимому, недаром меня предупреждали... Эти христиане явно хотят затянуть меня в свою секту!» — подумал я.

Решив самостоятельно все досконально проверить, я достал Ветхий Завет, Тору, изданную раввинами, и начал сравнивать ветхозаветные пророчества с Библией. И тут мне пришлось удивиться еще раз: все пророчества в точности совпадали!

И тут сработал мой еврейский стереотип: «Ну и как же я, еврей, могу стать верующим в Христа? А что скажут на это мои еврейские родственники?»

Кроме всего прочего я понимал, что, приняв Бога в свое сердце, я должен буду оставить те грехи, в которых, как и все молодые люди, я находил отраду и удовольствие.

Я понимал, что стою на пороге важного решения и должен выбрать, принимать или не принимать ту истину, которая в тот момент была для меня все еще загадочной и непонятной.

Я боролся с самим собой и с Богом на протяжении четырех месяцев, но в итоге, как и следовало ожидать, Бог оказался сильнее!

Только истина сделает вас свободными

Однажды все та же пара пригласила меня на служение, и я первый раз в жизни переступил порог церкви, которая, однако, совсем не была похожа на церковь — в моем понимании. Это было собрание людей, которые молились, разбирали Слово Божье и пели. Помню слова одной песни — они привлекли мое внимание: «Почему же в сердце для Христа нет места, почему же не поймет оно Его любви?»

Мне очень понравилась атмосфера любви и радости, царящая в этой церкви, и я стал приходить на собрания и общаться с верующими, которые, в основном, были выходцами из стран бывшего СНГ.

Наш пастырь был еврей из Марокко, звали его Клод. Помню нашу беседу с ним, когда он сказал: «Для того чтобы верить в Бога, не нужно заканчивать институты; на основной вопрос, что было “в начале”, ни один институт не ответит; самый четкий и ясный ответ может дать только Книга Книг — Библия».

А затем он ловко соединил два места — из Танаха и Нового Завета.

Только истина делает вас свободными

В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.   ≈ Бытие 1:1-3

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.   ≈ Иоанна 1:1-3

В этих двух местах Писания говорится о Слове, которое было у Бога и было Богом. С помощью этого Слова Бог создал все Свое творение. Об этом Слове сказано, что оно *стало плотью* (см. Иоанна 1:14).

А затем пастырь прочитал псалом 21, где ясно описывается картина распятия...

Одновременно с посещением церкви я начал посещать еще одно место, где собирались верующие. На набережной Тивериады финны подарили мне диск с песнями Виктора Клименко и пригласили на общение. Мне понравились эти песни — тем, что в них была искренняя, неподдельная любовь к евреям, хотя пел Клименко по-русски с акцентом, и при этом явно не с еврейским.

Виктор Клименко

В дальнейшем мне довелось лично познакомиться с этим замечательным певцом, выходцем

из казачьей станицы; он эмигрировал в Финляндию и стал известным исполнителем. Значительно позже, когда я стал верующим, я услышал его замечательное свидетельство о том, как Бог изменил жизнь казака, который, вместо того чтобы рубить в капусту всех евреев вместе с коммунистами, полюбил евреев особенной любовью.

И в этом доме, куда нас пригласили финны, я почувствовал что-то подобное. За евреев постоянно молились, нам дарили подарки, угощали разными вкусностями. Особенно мне запомнился черный хлеб с финиками, который там пекли.

Как-то я задал вопрос одной из женщин, ее звали Шошанна, почему она оставила Финляндию и приехала в Израиль. Я, например, приехал в Израиль, чтобы сделать свою жизнь лучше, потому что в Украине у меня практически не было шансов на будущее. Но оставить процветающую Финляндию, где жизнь, по сравнению с Израилем, просто сказочная, и приехать сюда, в пронизанный палящими лучами солнца Израиль? Я этого просто не понимал!

Женщина посмотрела на меня с огромным удивлением и сказала: «Просто мы очень любим евреев».

Тут пришло время удивиться и мне. В Украине нам постоянно твердили: «Жида Христа распяли». И Шошанна терпеливо объяснила мне, что так могут говорить только неграмотные люди, которые не читают Библию. А в Слове Божьем написано:

Касающийся вас касается зеницы ока Его.

≈ Захария 2:8

И тут меня вдруг прорвало, и я возмущенно закричал: «Шошанна, скажи, как можно любить таких людей?! Да у них же нет ничего святого! Мы еще не успели приехать в Израиль, а нас уже два раза одурачили. Со съемом квартиры нам сделали вырванные годы! Кругом ложь и презрительное отношение! На работе в перерыв мужики с лицами, не обезображенными интеллектом, болтают на своем иврите, из которого я понимаю только *шлош меот шекель* (300 шекелей), *матаим шекель* (200 шекелей), *арба меот шекель* (400 шекелей)... То и дело слышишь презрительное: “*Русим понаехали!*” Был бы я финн или швед, не сидел бы я в этом Израиле!»

Шошанна улыбнулась и сказала: «Если Бог возлюбил этот народ, значит, и мы должны его полюбить». И я понял, что передо мною истинно верующая женщина!

Верую!

Меня разрывали противоречия. Один голос внутри меня шептал: «Ты же еврей! Как ты можешь стать христианином?» Другой голос поддакивал: «Ну и как ты будешь жить, лишившись всех удовольствий этой жизни, если примешь эту веру?» Но где-то в глубине души я понимал, что это истина, что пророчества сбываются, и действительно есть люди, живущие не лицемерно, а искренне.

И вот настал момент, когда я больше не мог противиться Богу. И тогда я сказал: **«Господь, я хочу посвятить Тебе всю мою жизнь».**

Оглядываясь назад, я понимаю, что не мог принять такое решение самостоятельно. Это Бог нашел меня — там, где я Его не искал; это Он заставил меня искать смысл жизни, который был мною утерян; это Он провел меня через тяжелые испытания, Он привел меня в Обетованную землю. Это Бог заставил мое сердце страдать от одиночества, искать утешения и обрести его, потому что Он давно уже знал меня и знал то решение, которое я приму.

С верой в Бога в мою жизнь пришли умиротворение и радость, одиночество ушло, а жизнь наполнилась смыслом. У меня появилось множество друзей, которых я теперь называю братьями. Это не значит, что я забыл старых друзей; я их люблю и о молюсь о них и сегодня. Но эти

Верую!

особые отношения связывают нас неразрывными невидимыми нитями, которые держит в Своих руках Тот, Кого мы называем Небесным Отцом.

А самое главное — со мной незримо присутствует мой самый лучший Друг — Иисус, Которому я так долго противился. Он терпеливо стоял у двери и стучал, и я, в конце концов, все же открыл Ему дверь своего сердца.

С того момента, как я принял Бога, в мою жизнь вошел постоянный поиск и появилось неистребимое желание познания Вечного Бога, дарующего Вечную жизнь, по сравнению с которой все временное теряет всякий смысл.

...Дабы научиться уставам Твоим

И вот я снова стал студентом. Только учил я не механику, электротехнику или сопромат, как это было раньше. Я стал студентом святого факультета веры. В Библейском колледже мы учили теологию, то есть богословие, ибо познание Бога и есть смысл жизни. Мы должны заниматься этим постоянно, потому что для познания бесконечного Бога не хватит и вечности, а удивляться и поражаться Его совершенной любви можно без конца. Но в этой временной земной жизни мне хотелось как можно больше напитаться Божьими истинами и вложить в свое сердце славу Небес.

Любовь покрывает множество грехов

В студенческие годы, в моей жизни без Бога, я всегда мечтал о большой любви. Я хотел встретить девушку, с которой не был бы так одинок. Я мечтал, что она станет моим лучшим другом, что у нас будет семья.

Я испытывал особое чувство симпатии к одной девушке по имени Лиля. Мы жили рядом, ездили в один институт и часто встречались на больших переменах. Лиля, как и я, переживала трудный период в жизни: ее мама умерла, отец женился на женщине с ребенком и теперь отдавал им всю свою любовь, а Лиле доставались только крохи...

Через некоторое время мне стало казаться, что я влюблен. Лиля была красива, неглупа и очень общительна. А главное, она была еврейкой. (Мама и папа, воспитывая меня, постоянно внушали мне: «Не вздумай жениться на шиксе» — так называли девушек-неевреек.) Но, как часто бывает, я никак не решался рассказать Лиле о своих чувствах.

Во время летних каникул я поехал со студенческим отрядом в Ленинград. Красивее города я еще не видел! Но все великолепие этого города не могло отвлечь меня от мыслей о Лиле. Я принял решение, что, вернувшись домой, сделаю ей предложение.

Сразу, как только приехал, я позвонил Лиле и договорился о встрече — под предлогом помочь скупиться в магазине. Я настраивал себя, что сейчас скажу ей о своих чувствах. Но, встретившись, я увидел, что ее глаза грустны: она явно была чем-то расстроена. Чем дальше мы шли, тем больше мне казалось, что ей совсем не хочется слышать мои признания.

— Лилия, почему ты такая грустная? — решился спросить я.

Она ответила:

— Я выхожу замуж.

Казалось, земля ушла у меня из-под ног. Но, совладав с собой, я задал еще один вопрос:

— А он тебе нравится?

— Очень, — ответила Лилия.

И тут мне на память пришел отрывок из фильма «Два капитана» по книге Каверина. Когда Ромашов создавал различные обстоятельства, чтобы понравиться Кате, а Саня Григорьев спросил его: «Зачем ты это делаешь?», Ромашов ответил: «Потому что я ее люблю». Ответ Сани тогда поразил меня: «Да, но любовь должна быть благородной».

Сейчас я оказался в подобной ситуации. Не сомневаясь ни минуты, я решил, что тоже должен поступить благородно. Я сказал Лиле, что очень рад за нее, буду счастлив познакомиться с ее другом и надеюсь получить приглашение на свадьбу.

Увидев ее счастливые глаза, я понял, что настоящая *любовь не ищет своего* (см. 1-е Коринфянам 13:5).

Я вновь стал студентом, и вновь для меня началась новая любовная эпопея. Приехав в Израиль, я думал, что

теперь-то у меня не будет проблем с девушками, ведь здесь, в Израиле, они все еврейки. Но, став верующим, я понял, что мой выбор еще более сузился. Ведь теперь я мог жениться только на верующей!

Но верующих в Израиле в то время было настолько мало, что я уже начал подумывать: а может, жениться на какой-нибудь нееврейке, которая приехала по волонтерской визе и работает в гостинице при колледже, где я жил и учился... Но, когда я смотрел на этих девушек (среди них были очень красивые, но я уже научился оценивать людей не только по красоте), я понимал, что их вера весьма относительна.

Однажды возле колледжа я познакомился с *саброй* (так называют родившихся в Израиле евреев). Его звали Роберт. Это был очень серьезный израильтянин. В свое время он работал в Шабакке (служба безопасности Израиля). Роберт сказал мне, что в этой жизни мусульмане ищут крови, евреи ищут денег, а христиане — любви. А затем добавил: «Крови я видел много, деньги у меня тоже были, теперь мне нужна любовь».

Он не ошибся адресом. С первого момента нашего знакомства я видел, насколько жадно Роберт впитывает Слово Божье. Он посещал собрания и домашние группы, задавал множество вопросов и очень четко ориентировался в Писании, как будто был верующим уже много лет.

Однажды Роберта в тяжелом состоянии увезли в больницу: дало о себе знать былое ранение. По ночам за ним ухаживали три сестры во Христе из Финляндии и я. Раз в месяц мне выпадала бессонная ночь.

Однажды во время моего дежурства Роберт поделился со мной тем, что ему нравится одна сестра из Финляндии по имени Сальма. А потом спросил меня: «А как тебе Майя, подружка Сальмы?» Я не воспринял это всерьез и сказал, что она мне очень нравится, хорошая девушка.

После я узнал, что во время Майиного дежурства Роберт допытывался у Майи, делал ли я ей предложение. Конечно, Роберт был интеллигентным человеком, но иногда проявлял излишнее любопытство, как и многие *сабры*.

В отличие от Роберта, чувство такта не позволило мне отмахнуться от Майи. Она была старше меня на пару лет. Но не это было главным. Ее милое лицо, широко распахнутые глаза и страстное желание служить Богу перевешивали любые сложности менталитета. Когда мы встречались, она часто краснела, ее дыхание становилось прерывистым, и она была настолько скованна, что, казалось, вот-вот ей предстоит пройти пытки инквизиции.

Я не хотел обидеть Майю и поэтому решил не действовать второпях. Я сказал ей, что она мне нравится, но Бога я люблю больше. Поэтому мое решение будет зависеть от того, примет ли она мое служение, сможет ли быть мне помощницей, или мы просто расстанемся друзьями. В своем решении я был искренен, так как понимал, что любовь — это не просто чувство, не химическая реакция, катализатор которой — влечение; это, в первую очередь, сознательное решение во славу Божью.

Приблизительно в это же время в Израиль репатриировалась еще одна девушка, которая сразу же обратила на меня внимание. Звали ее Алина. Она посещала наше

собрание, и я постоянно чувствовал бросаемые на меня как бы ненароком взгляды. Со своей стороны я также испытывал к ней чувство огромной симпатии. Она мне очень нравилась. Но как быть с Майей? И вновь я решил не торопиться, а дать времени сделать свое. И не ошибся.

В этот период мне выпала уникальная возможность поехать с миссией «Евреи за Иисуса» в Нью-Йорк и благовествовать там. Я подумал, что разлука сыграет свою роль в том, чтобы определиться, на ком мне остановить выбор.

В Америке особо не было времени скучать, ведь наша кампания проходила в Нью-Йорке, а Нью-Йорк — это ж огромный котел, в котором сплавлены различные расы и нации.

А Брайтон-Бич — это же легендарная «Маленькая Одесса»! Если в Бердичеве украинцы разговаривают на идиш (язык европейских евреев), а в Одессе у всех есть чувство юмора, то на Брайтон-Бич американцы чувствуют себя туристами. Когда кто-то из обитателей Бруклина обращается к своим друзьям, регулярно совершающим прогулки по Брайтон-Бич, с вопросом: «Ну как вам Америка?», то часто можно услышать в ответ: «Их висн? (Я знаю?) Мы туда не ходим».

Можете представить, какое это замечательное место для благовестия! Особенно когда нам выдали майки кумачово-красного цвета с надписью «Евреи 3☆ Иисуса». Конечно, это было оригинальное решение: поставить вместо буквы «а» звезду Давида, и все евреи удивленно спрашивали: «Это что — “евреи три Иисуса”»? А я им отвечал: «Нет, это “Евреи три маген Давида Иисуса”». А они мне: «Но какая связь у Иисуса и маген Давида?» А я:

«Точно не знаю, но одно знаю, что Давид — в родословии Иисуса».

Как-то после такого ответа один из евреев с презрением крикнул:

— Какой же ты еврей?!

На что рядом идущая жена возразила:

— Изя, ну как ты такое говоришь! Ты посмотри: *вус а шейне идише пунем* (какое красивое еврейское лицо)!

Однажды у лавочки, возле которой часто собирались евреи, один еврей спросил меня:

— Ну и что, вы будете нас агитировать?

Завязался диалог.

— Я хочу сагитировать вас вернуться домой, в Израиль.

— Но вы же за Иисуса!

— Да, но Иисус — не коренной житель Бруклина. И Он не ходит по Брайтон-Бич. Он родился в Вифлееме Иудейском и этим исполнил то, что говорил еврейский пророк Михей именно о Нем: «И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных».

— Но мало ли детей рождалось в Вифлиеме?

— А кто из них стал Владыкою в Израиле?

— А может, Он еще и не родился?

— Но известно, что *из начала, от дней вечных*, может быть только Бог, и если Он выйдет из Вифлиема, то будет в образе Человека. А это противоречит основному принципу иудаизма, установленному Рамбамом, что человек не может быть Богом. Думаю, с Рамбамом можно согласиться, но только если не принимать во внимание тот

факт, что Бог может стать Человеком. А что если это пророчество как раз и говорит об Иисусе? Об этом же говорит и Новый Завет.

— Да, но зачем вы нам суете вашу Библию?

— Не вашу, а нашу. Я тоже еврей, и Библию написали как раз не русские, не шведы, и не афроамериканцы.

— Но у нас есть Тора, а вы предали веру своих отцов.

— Но, во-первых, отец наших отцов, Авраам, тоже предал веру своих отцов, а во-вторых, Тора — это часть Библии.

— Нет, Библия — это часть Торы.

— А вы читали Тору?

— Да, читал.

— Ну и как называется третья книга Моисея?

— Вы что, собираетесь меня допрашивать?

— Нет, я собираюсь вам сказать, что если невежество — это блаженство, то вы уже на Небесах.

— Ну а вы что?! Разделись, как клоуны, над вами все смеются!

— Над Ноем тоже смеялись, когда он строил большой ковчег посреди пустыни. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним...

Как-то после одного из наших походов мы занимались подсчитыванием контактов. Такая была стратегия благовестия: раздать трактаты, завязать разговор и постараться получить контакт, чтобы с этим человеком можно было потом встретиться в более удобной обстановке и более подробно рассказать, почему мы верим именно так, как мы верим. Одна девушка собрала три контакта, другая — пять, а я достал целую пачку. Подсчитали — оказалось 21. И та девочка, у которой было три контакта, заплакала.

Приподнятое настроение сразу испортилось. Всем было понятно, почему она плакала. В глубине души я тоже успел ее осудить.

Но потом я задумался: а что бы было со мной, если бы я оказался на ее месте, а она — на моем? И с ужасом понял, что страдаю от той же проблемы. Да, я, наверное, не заплакал бы, так как я мужчина, но внутри, в душе, наверняка скребли бы кошки.

И тут же Бог открыл мне одно место Писания:

Некоторые, правда, по зависти и любопытству, а другие с добрым расположением проповедуют Христа.
≈ Филиппийцам 1:15

В таких горячих диалогах пролетели два месяца, и вот я приехал домой. Здесь я узнал, что в мое отсутствие произошло интересное событие.

На одной христианской свадьбе присутствовали Майя и сестра Алины, ее звали Виктория. И, уединившись, Виктория сказала Майе: «Чтобы ты и не мечтала о Мише! Он женится на моей сестре».

Тут нордическая финка Майя вспыхнула, как яркая лампочка, разгоняющая тьму. И не замедлила встретиться с Алиной, сказав ей то же, что и Алинина сестра Виктория, только с точностью до наоборот: она сказала Алине, что я обещал жениться на ней и чтобы Алина даже не смотрела в мою сторону.

Легко сказать! Как не думать, если сердце уже прикипело? А я, то и дело встречая Алину, видел, как она старается отвести от меня печальный взгляд. В то же время ко мне

постоянно начали подходить Майины подружки, напоминая о том, что я обещал жениться на Майе. Я ответил, что от своих обещаний не отказываюсь. Но условие остается прежним: если она согласна присоединиться к нашей общине и нашему служению.

За время хождения с Богом я научился правильно расставлять приоритеты, научился видеть во всем волю Божью, а не свою. Мое служение в церкви «Надежда Израиля» было для меня важнейшим из приоритетов. Когда из Твери я переехал в пригород Тель-Авива, в город Бат-Ям, то первым же делом начал искать общение — и нашел два места. Одна община была в Ришон-ле-Ционе и называлась «Милость и Истина», а другая — в Яффо, Тель-Авив, и называлась «Бейт Иммануель». Я посещал оба эти собрания.

В церкви «Милость и Истина» я познакомился с братом Томом из Америки. По прошествии некоторого времени пастор Барух благословил брата Тома начать новое служение в Холоне — этот город находится недалеко от Бат-Яма.

Кто никогда не был в Израиле, тому трудно представить, насколько плотно расположены израильские города: зачастую друг от друга их отделяет всего одна улица или скоростная трасса. Эти города — Бат-Ям и Холон — граничили и друг с другом, и с Тель-Авивом. Все эти города входят в район, называемый Гуш-Дан (район Дана).

Колено Дана получило эту землю в удел. Но, когда пришли моавитяне и захватили эту землю, колено Дана ушло далеко на север. Там они основали город Дан. И территория Израиля стала определяться от Дана до Беэр-Шевы.

*Река Иордан недалеко от места,
где, согласно Библии, евреи перешли его посуху
и где позднее принял крещение Иисус*

А река, стекающая с гор Хермона, когда тают снега, называется Падающий Дан — Иордан. А страна, которая находится за Иорданом, называется Иордания. Ну, это маленькое отступление, урок географии Израиля.

Трудности национального перевода

Город Бат-Ям располагается как раз между Холоном и Яффо, Тель-Авив. Поэтому я посещал оба собрания.

Но вот однажды пастор Том обратился ко мне с предложением переводить с иврита на русский. Для меня это было большой проблемой, и вот почему. Обычно люди, когда учат новый язык, сначала начинают его понимать, а потом — говорить на нем. А у меня, как у многих евреев, все было наоборот. К тому времени я прожил в Израиле чуть больше года и вполне нормально разговаривал на иврите. У Тома создалось впечатление, что понимаю я его тоже неплохо. Любые мои попытки отказать от роли переводчика не воспринимались. И я начал переводить проповеди Тома на русский язык.

Из того, что он проповедовал, я понимал слово или два из всего предложения. Сначала я постоянно переспрашивал, что напрягало Тома и утомляло слушающих. Я понял: если и дальше буду так продолжать, собранию придет конец. Я помолился про себя и начал проповедовать то, что думал. Том проповедовал на иврите, я на русском

языке говорил свою проповедь, а Том был уверен в том, что я его перевожу.

Со временем моя свободная проповедь все больше становилась похожа на то, что говорил Том, хотя где-то все еще были расхождения.

Как-то Том проповедовал на основе 22-го псалма. Том обратился к слушающим и сказал, что наш Пастырь оберегает нас, как овец, и если какая-то овца отобьется, то Пастырь посылает свой посох, чтобы вернуть овечку. Слово «посох» на иврите мне было неизвестно. И я перевел: Пастырь посылает свою собаку, чтобы та вернула овечку. Но наш пастырь Том уже немного выучил русский, поэтому слово «собака» было ему знакомо. Он возмутился и спросил меня: «Какая собака? Я про собаку ничего не говорил».

Но чем дальше, тем больше я понимал Тома, а он — меня.

Мы не только трудились в Слове, но начали посещать неверующих, проповедуя им Евангелие. Наша группа в Холоне начала расти. Собрания в Яффо были очень насыщенные. Там было все приспособлено для служения: музыкальное прославление, учебные материалы, уютные классы и группы для изучения Библии.

Но вот наступил момент, когда нужно было сделать выбор. Пастор собрания «Бейт Иммануель» Давид попросил меня до окончания собрания принять решение, так как нельзя одновременно быть членом двух общин. А всякое промедление и нерешительность принесут в мою жизнь искушения, с которыми будет трудно бороться.

Я взмолился: «Господь, я не хочу быть в том собрании, какое мне нравится, а хочу быть в том собрании, где я Тебе нужен». Я сам удивился этим словам в молитве. У меня было впечатление, как будто не я, а Сам Господь вложил эти слова в мои уста, потому что мое сердце тянулось в «Бейт Иммануель».

Но я понял, что должен сделать выбор, угодный Богу. В собрании «Бейт Иммануель» я получал много духовной пищи, а в собрании «Надежда Израиля» больше служил и делился духовной пищей. Что более блаженно: давать или получать?

В Израиле часто рассказывают одну историю. Здесь есть два водоема, которые соединяет одна река, — Генисаретское озеро (Кинерет) и Мертвое море. Когда весной на Хермоне тают снега, река Иордан, стекая, наполняет Кинерет.

Интересно, что Иордан не только впадает, но и вытекает из Кинерета. Затем он продолжает движение и впадает в Мертвое море, откуда уже никуда не вытекает. Эти два озера — как два человека с разными характерами. Один, как озеро Кинерет, получает и отдает, поэтому это озеро полно жизни — и вода там сладкая. Оно снабжает водой весь Израиль.

А Мертвое море похоже на человека, который любит только получать, ничего не отдавая. В этом озере вода настолько соленая, что жизнь в нем просто невозможна.

Я понял, какой выбор должен сделать. Я верил всем сердцем, что Бог поставил меня на это служение. Более того, я чувствовал ответственность за служение, на которое Бог меня поставил.

Мы с Томом свидетельствовали в гостинице «Сан» на берегу моря, и несколько русских женщин откликнулись и начали посещать нашу домашнюю группу. Среди посещающих была одна семья из Киева — муж с женой и дочь. Он — бывший директор киевского театра, а его жена — бывшая балерина. Бывшая не потому, что в Израиле не было работы, а потому что у нее был рассеянный склероз и ей пришлось оставить любимое занятие. Звали ее Тамара.

В Израиле семья думала начать шоу-бизнес, но прогорела, так как муж Тамары Алик, руководствуясь профессиональным долгом, отказывался от представлений, на которые толкали его компаньоны, желая превратить шоу-бизнес в обычный стриптиз.

В этой семье Бог начал Свою работу, особенно в сердце Тамары. Она с большой радостью воспринимала Слово Божье. Всякий раз, когда она присутствовала на собрании или когда мы ее посещали, она с большим восторгом внимала Слову, и видно было, как Господь ее меняет.

Как-то раз Том проповедовал о том, как раб, которому хозяин простил большой долг, не смог простить ничтожный долг своему другу. Во время проповеди Тамара закричала: «Господи, это же я!» Потом она объяснила, что не могла долгое время простить обиду на брата Алика.

Однажды, отправляясь на посещение к Тамаре, я купил палку докторской колбасы. В этот день

у Тамары был день рождения. Потом она призналась, что им в тот день нечего было есть, поэтому она так радовалась моему подарку.

Сейчас она живет со своей семьей в государственной квартире и ни в чем не нуждается. Ее дочь вышла замуж, у нее двое детей. Алик ушел в вечность. А брат Алика со своей семьей познал радость спасения.

Наше собрание росло. В Израиль депортировалась еще одна семья из Киева — Саша и Марина. Они были уже возрожденными верующими и сразу стали помогать в служении. Мы собирались у них дома и проводили там собрания. Том начал обучать меня и Сашу искусству проповеди. Но Саша, будучи инженером-конструктором, много времени тратил на работу, и большая часть нагрузки в служении падала на меня.

Майя много раз пыталась уговорить меня перейти в другое служение, но мое решение служить там, куда меня поставил Бог, оставалось неизменным.

Майя предпочла ходить в другое собрание. Постепенно мы стали встречаться все реже и реже, а со временем совсем перестали видеться.

Возлюби ближнего твоего, как самого себя

В это время начали происходить события, круто изменившие курс моей жизни.

Я продолжал учебу в Библейском колледже. Однажды я познакомился с алкоголиком, который стоял «на стрелке» на набережной (так называют место на трассе, где паркуются машины, а алкоголики в это время выпрашивают деньги «на поправку здоровья»). Я стал свидетельствовать ему. Звали его Уолтер.

Однажды он пришел ко мне в общежитие в одних трусах, его лицо было в слезах. После короткого разговора я понял, что, когда он купался, кто-то украл его вещи. Он жалобно посмотрел на меня и сказал: «Если ты мне не сможешь, то я просто не знаю, как буду жить дальше».

Найти для него одежду оказалось не так уж сложно. Гораздо сложнее было найти место для его проживания. Чудом мне удалось уговорить администрацию «Бейт Иммануеля» оставить Уолтера на одну ночь.

Этой ночью я не мог заснуть. Ко мне постоянно приходила одна и та же мысль: «Я учусь в колледже, у меня все есть; мне не нужно думать о жилье, о питании, так как нас

обеспечивают завтраком, обедом и ужином. А этот несчастный не имеет ничего». Я пытался оправдывать себя, что учусь для того, чтобы служить Богу, а этот алкоголик во всем виноват сам. Но разве служение ближнему — это не служение Богу? В своем сознании я как будто слышал вопрос, который Бог задавал мне: «Как ты можешь свидетельствовать этому несчастному о любви Божьей, если сам не готов явить ему эту любовь?»

Я пытался спорить с Богом. Ведь уже несколько раз я пытался помочь алкоголикам, устраивая их в реабилитационный центр. Некоторое время я помогал одному человеку, который так же стоял «на стрелке», а когда уставал, ложился прямо на проезжей части. Останавливающиеся водители пинали его ногами. Этот несчастный подбирал объедки и допивал кока-колу и другие напитки из брошенных на улице стаканов и бутылок. Чудом удалось поместить этого человека в реабилитационный центр. Ребята свидетельствовали, что он головками ел чеснок вместе с шелухой, пытаясь избавиться от многолетней глистной инвазии... Но пробыл этот мужчина в реабилитационном центре совсем немного.

Другой алкоголик посещал церковь и жил дома. Но у него была сильнейшая зависимость, и он просил о помощи. Целый месяц я периодически встречался с ним, пока его не пригласили в реабилитационный центр на собеседование. Но в тот день, когда нужно было ехать на встречу, он не пришел, а вечером позвонил мне и сказал, что он молился — и Бог его так укрепил, что ему уже не нужен реабилитационный центр.

Мне было жаль потраченного времени и сил. Тогда, разочарованный, я обратился к пастору Тому, и его ответ

стал обличением для меня. Пастор сказал: «Миша, не уставай делать благо для Господа». В тот момент я понял, что для Бога важен не результат, а та любовь, которую я могу явить этим несчастным, выброшенным на обочину этой жизни.

В ту ночь я вспомнил притчу о благородном самарянине.

И вот, один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Он же сказал ему: В законе что написано? Как читаешь? Он сказал в ответ: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя». Иисус сказал ему: правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить. Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний?

На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо.

Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему:

«заботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе».

Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же.   ∞ Луки 10:25–37

И левитом, и священником руководил один и тот же мотив. Что они могли сказать в свое оправдание? «Мы же не можем помочь всем, кто на обочине! У нас есть служение, семья...» Но почему-то для Христа этих доводов было недостаточно. Истинная любовь всегда соизмеряется жертвой.

Я задал себе вопрос: «Чем я могу пожертвовать ради этого несчастного? И вообще для чего я учусь в колледже?» Наверное, чтобы рассказывать о любви Христа всем падшим грешникам. Но как они мне поверят, если я не буду своей жизнью являть эту любовь?»

Но тут вмешался другой внутренний голос, спросивший: «А как быть, если эти люди останутся неблагодарными?» И тогда я вспомнил, как Христос исцелил десять прокаженных — и лишь один из них, да и тот, кто оказался самарянином, вернулся, чтобы поблагодарить Иисуса.

Как мне ни было трудно, но я принял решение: я помогу этому несчастному, даже если для этого мне придется оставить колледж.

Позвонив в реабилитационный центр, я узнал, что там нет мест и в ближайшее время не будет. Я принял решение поехать с Уолтером в Иерусалим.

Мой друг Тони, служивший пастором поместной церкви, нашел недорогую гостиницу, в которой мы с Уолтером поселились. Денег у меня было совсем немного. Я молился, и Господь расположил сердце моего друга Ювентуса, с которым мы вместе учились, — и он благословил меня деньгами, сказав при этом: «Миша, пусть Бог через тебя спасет эту душу». Но денег все равно было мало.

Перед отъездом в Иерусалим я зашел попрощаться с пастором лютеранской церкви Хейкки Нурминеном. Мы очень часто встречались с ним и общались на духовные темы. Лютеранская церковь стояла через дорогу от нашего колледжа. Зайдя к Хейкки, я подумал: «А что если я одолжу у него денег?» Помню, он заметно опечалился, когда я об этом попросил, но все же достал кошелек и дал мне ту сумму, о которой я просил. Тогда я не понял причину его смущения и печали, но, когда я возвращал долг, увидел, как лицо Хейкки засияло радостью. Он поведал мне, что бесчисленное множество раз одалживал деньги людям, но я первый, кто вернул долг.

В Иерусалиме, занимаясь устройством Уолтера, я позвонил Майе. Майя ответила на мой звонок, но уже после нескольких минут разговора выяснилось, что она нашла себя в том собрании, которое посещает, и что теперь я могу устраивать свою жизнь без нее. Я спросил, не будет ли она жалеть о принятом решении. Она сказала: «Нет». Я, как мог, ободрил ее, сказав, что у Бога есть много хороших братьев. Майин отказ я принял как ответ от Бога, испытал одновременно радость и облегчение.

Я позвонил Алине. Мне не пришлось даже объяснять ей, какие перемены произошли в моей жизни, так как

услышав, что она восхищается моим поступком, я понял: она уже все знает. Мне очень хотелось с ней встретиться.

Нужно было вернуться в колледж, чтобы забрать кое-какие вещи. В тот же вечер я уехал, предварительно договорившись встретиться с Алиной. Она пришла и, увидев меня, засияла! Она еще раз повторила, что мой поступок — это отличное свидетельство, и смущенно вложила мне в руку несколько денежных купюр со словами: «Прости, это все, чем я могу тебе помочь».

Я больше не мог сдержаться и сказал ей, что она мне очень нравится и, если она согласна, я предлагаю ей стать моей невестой. И в вечерней тишине прозвучал восторженный ответ Алины: «Да! Конечно же да!»

Семь сорок

Это событие произошло на берегу синего Средиземного моря, в нашей маленькой стране с большой историей, в небольшом городке Бат-Ям, название которого означает «Дочь Моря».

На берегу этого безбрежного моря расположился маленький ресторанчик, где работали маленькие люди — вьетнамцы, которые приехали из маленькой страны Вьетнам, но не потому, что они евреи, а вот почему: когда в их стране сложилась напряженная обстановка, наш президент Менахем Бегин предоставил кров ста вьетнамским семьям.

Да, так что же я хотел рассказать об этом маленьком ресторанчике? Вы хотите спросить, как это связано с моей историей и почему глава называется «Семь сорок»? Терпение, читатель, скоро вы все узнаете.

Наша свадьба совпала еще с двумя событиями. Это были праздник Рош ха-Шана (еврейский Новый год) и мой день рождения. Мы посчитали это добрым знаком начала новой жизни. Не то чтобы мы верили в какие-то совпадения или ждали каких-либо знамений, но когда они сами приходили в нашу жизнь, ничего не оставалось, как только благодарить Господа.

Наша жизнь была отнюдь не простой. Хотя мне уже было 33 года, у меня совершенно отсутствовал практический

опыт семейной жизни. И тем более его не было у моей дорогой Алинки. Из ее свидетельства о жизни до брака я понял, что она жила, не получая родительской любви и заботы. Родители были в разводе, но при этом более двадцати лет жили в одной квартире, не общаясь между собой. В такой напряженной обстановке и прошла Алинина юность.

Ища любви, Алина быстро попала под влияние одного парня, который любил пускать пыль в глаза. Они с Алиной всю кутили, проводя время в барах и клубах.

В то время сестра Алины Виктория познала путь спасения и начала посещать церковь. Конечно, это не могло не коснуться и Алины. Она пошла посмотреть, что же это такое. Ей очень понравилось, и она тоже стала посещать собрание.

И тут, как это часто бывает, в жизни Алинки начались испытания. Парень, с которым она встречалась, поставил ей условие: «Выбирай: или я, или Бог». Алина в смятении, боясь потерять свое «счастье», тихо сказала: «Ты. Я люблю тебя и хочу проводить время с тобой».

Какое счастье, что наш выбор — это не окончательный приговор! Этот парень через месяц нашел другую, и, как это часто бывает, ушел по-английски, даже не попрощавшись.

Алина не могла с этим смириться. Она решила, что в жизни нет ничего хорошего, что той любви, к которой она стремилась и о которой мечтала, не существует. Находясь в состоянии аффекта, она взобралась на подоконник, решив покончить с жизнью, выбросившись с шестого этажа.

Но тут стала жалобно мяукать ее кошка. Алина очнулась от мысли, которая, как молния, сверкнула в ее сознании: «Я нужна ей!»

Алина медленно сползла с подоконника и, прижав к себе кошку, плакала и просила у Бога прощения за все, что делала без Него. Так в ее жизнь вошел мир Божий и ревностное служение Господу.

Начав посещать церковь, Алинка на год уехала в Эстонию, в Библейскую школу. Теология ей давалась с трудом, но в этой школе она научилась всегда, во всех обстоятельствах, доверять Богу и всегда жертвовать не только десятину, но и сверх того.

Когда Бог нас соединил, в нашу жизнь сразу начали приходить испытания. Первый скандал произошел настолько быстро, что я даже не мог себе представить, что такое возможно. Утром я встал первым, открыл холодильник и съел помидор, который смотрел в мою сторону. Через некоторое время проснулась Алина, открыла холодильник и воскликнула:

— А где помидор, который здесь лежал?

Улыбнувшись, я ответил, что успел его очень надежно спрятать.

Она оценила мой юмор, но в ответ не улыбнулась, а лишь нахмурилась, сказав:

— А почему ты меня не спросил?

Я без всякой задней мысли ответил:

— Дорогая, но это же не дефицит! Хочешь, я пойду в магазин и куплю килограмм, два или три? Сколько ты хочешь!

Но Алина сказала с упреком:

— Но этот же был последний! Если ты обо мне не подумал, значит, ты меня не любишь? Давай разведемся!

От такого поворота мне стало не по себе... Но я не подал виду, а сказал, что, если ей так хочется, пусть оформляет документы на развод — я их подпишу.

Она, прерывисто дыша, начала ходить туда-сюда по комнате... А затем у нас произошел «серьезный» разговор.

— Ты это серьезно?

— А ты?

— Прости меня.

— Хорошо, но только при двух условиях.

— При каких?

— Первое: ты никогда больше не заикнешься о разводе. Второе: мы никогда не будем спать в разных кроватях.

— Я согласна.

После этой ссоры мы, независимо от того, как прошел день, всегда молились вместе и просили прощения друг у друга.

Это было благоприятное время для нашей общины. Мы служили собранию, посвящая Богу и наш дом, и наше время. У нас на квартире в Бат-Яме стала собираться домашняя группа. Группу посещала пара из Херсона, сбежавшая от преследований рэкетиров, их родственники (сестра пострадавшего с сыном-наркоманом), еще несколько сестер, среди которых была верующая из моего родного города Харькова, и несколько вдов: среди них была Надежда Ивановна — она постоянно молилась за дожди в Израиле посреди лета — и бабушка Белла, которая всег-

да ждала меня на скамейке, чтобы я довел ее до собрания, а когда я подходил, она говорила подругам: «Ну, вот и мой ухажер идет!»

Когда в собрании начала налаживаться работа, меня пригласили в миссию «Евреи за Иисуса». Я очень хотел работать с этой миссией, но решил спросить у пастора Тома, что он об этом думает.

Том был против, так как миссия могла отправить меня в длительную командировку на несколько месяцев, а моя Алинка была беременна. Я решил не оставлять свою семью и церковь на долгое время — и отказался.

Но каким утешением было для нас появление настоящего чуда — нашей доченьки!

Мирьям была очень привередливой. Она постоянно выплевывала еду, которую ей давали, и не засыпала, если не держалась за мой палец. А когда просыпалась — успокаивалась только на моих руках.

В то время настоящим благословением для нас стала Алинина мама. После очередного скандала с бывшим мужем она жила у нас.

Внезапно в ее жизнь ворвалась проблема — рак. Мама Алины боролась со своей болезнью с помощью сыроедения и серьезных диет, вела очень подвижный, активный образ жизни... Так продолжалось четыре года. Однако болезнь стала прогрессировать, и маму поместили в дом престарелых с особым уходом. Но дух ее не был сломлен. Она постоянно молилась и говорила, что очень счастлива, что встретила Бога. Она особенно любила меня и говорила, что вымолила меня для своей дочери, потому что просила, чтобы Бог послал ее дочери такого мужа, какой

описан в 1-м псалме: *«Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь!»*

Однажды мама обратила внимание на одного из жильцов дома престарелых, прикованного к инвалидной коляске. Он был парализован, не мог говорить, но по его лицу было видно, что он ищет общения и поддержки. И тогда мама попросила сестру из Харькова, которая посещала собрания в нашем доме и навещала маму в доме престарелых, чтобы она написала этому несчастному молитву «Отче наш».

Когда эта записка попала к Володе (так звали этого больного), он очень обрадовался и даже попытался поблагодарить, и, хотя из его уст раздавалось только мычание, можно было догадаться, что он сказал: «Спасибо большое, это как раз то утешение, которого я так искал».

С этого момента мы постоянно свидетельствовали ему о Христе. Когда он слушал, в его глазах светилась нескрываемая радость.

Его жена Раечка тоже начала ходить в нашу общину и вскоре приняла крещение.

Мама провела в этом доме недолго, вскоре обретя вечный покой. Как это ни странно, после ее ухода больше всех страдал ее бывший муж Юрий, отец Алины. Вдруг проснулась его совесть, и он с болью повторял, что во многом виноват...

Шло время, росла наша церковь. У нас родился сын, которого мы называли Хаим. Бабушка перед смертью успела увидеть внука и сказала: «Богатырь!» Да, родился он немальным, и с аппетитом у него было все в порядке.

Моя Мирьям, которой уже было три годика, постоянно ревновала его ко мне. Она говорила: «Папа, а правда, что мама больше любит Хаима, а ты — меня?» Каждый раз, когда я брал маленького Хаима на колени, Мирьям подбежала и, запрыгнув на меня, просила, чтобы я взял и ее. А однажды спросила: «Папа, а почему ты женился не на мне?» Я умилился и ответил, что, когда я женился, ее еще не было. Она дернула плечиками и сказала с очень серьезным видом: «Ну что же ты, папа! Нужно было подождать!»

Наш Хаим был на вид очень крупным, здоровым и красивым мальчиком. Но было заметно, что у него есть какая-то проблема. Он не общался в садике с детками и вообще очень плохо разговаривал. Все, что его привлекало, — это мультфильмы.

Мы старались, чтобы он смотрел фильмы на христианскую тематику. Помню, как после просмотра очередного мультика мы пошли в супермаркет. И вот наш Хаим посреди супермаркета, на виду у всех, опускается на колени, подымает руки и говорит: «Господи! Я не боюсь этих филистимлян!» Представьте, какова была реакция окружающих!

У Хаима была отличная память: он запоминал тексты из фильмов, которые смотрел, и пересказывал их; но разговорная речь у него была очень плохая. Мы решили привести сына к логопеду.

Жизнь налаживалась, община росла; в служении я начал активно заниматься подготовкой людей к крещению и проповедью Евангелия.

Меня пригласили служить в миссию «Кемпус крусейд». Мой друг Ювентус, с которым мы учились в колледже, уже работал представителем этой миссии. Помню, как я помогал ему показывать в квартире видеофильм «Иисус». А теперь миссия начала проект по показу этого фильма в разных израильских городах. И мой друг Ювентус посоветовал присоединить к этому служению и меня. Пастор Том не возражал, и вскоре я начал трудиться на любимом поприще. Наш директор Филипп приехал со своей семьей из Америки. Когда он спросил Ювентуса, с кем тот хотел бы работать, он, не задумываясь, сказал: «С Михаилом».

Это служение было для нас огромным благословением. Наконец-то я занялся любимым делом! Мы организовывали различные евангельские проекты в разных городах, а я учил в церквях, как правильно свидетельствовать евреям о нашей вере и приводить их к Христу. Кроме того, мы постоянно духовно общались и проводили множество различных мероприятий. Это были конференции, встречи, отдых, и даже два раза мы принимали участие в Библейском тренинге в Украине. На одном из таких тренингов, когда нам устроили романтический вечер и общение, Алинке задали вопрос, что она больше всего ценит во мне. Алинка ответила: «Мой Миша очень добрый, и он всегда мне все прощает, и тогда мы все начинаем заново».

Это было время, когда мы достигли гармонии отношений в семье и благословений в служении. Так хотелось, чтобы это время длилось как можно дольше... Но в нашу жизнь начали приходить новые испытания.

У директора нашей миссии во время теракта погибла дочка. Молодая, цветущая, полная радости жизни, посвятившая свою жизнь Господу Абигаль, возвращаясь из школы домой, погибла при взрыве автобуса. Смерть была мгновенной. Мы очень тяжело переживали эту потерю.

Директор миссии Филипп, нужно отдать ему должное, делал все, чтобы его личная трагедия не отразилась на работе миссии. В эти дни мы особенно сдружились. Наша команда работала слаженно — как единый механизм.

Меня Бог благословил особенно: я проводил в церквях обучающие тренинги, а потом мы отработывали полученные знания на практике, реализуя проекты по евангелизации. В семье также царила полная гармония. Мы с Алиной научились понимать друг друга и вместе трудиться. У нас подрастали два чудесных ребенка — Мирьям и Хаим.

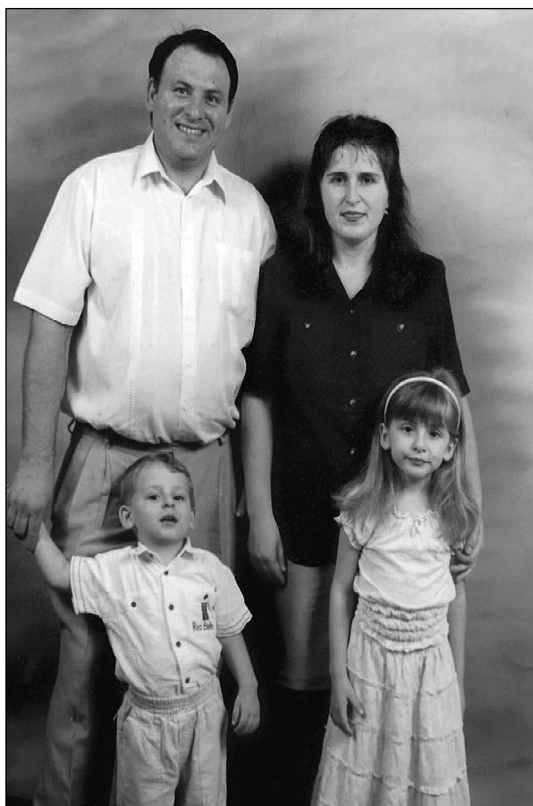
И вот... Внимание! Вы помните, что я обещал открыть секрет названия главы? Подошла весьма интересная дата: мне исполнялось сорок лет, а семь лет назад мы сыграли свадьбу. Вы помните, что я подгадал время свадьбы к дню своего рождения и к празднику Рош ха-Шана? Семь и сорок — не правда ли, очень по-еврейски? В то время было очень модно на еврейской свадьбе выводить невесту к жениху под мотив популярной еврейской песни «Семь-сорок».

Мы решили отметить свою годовщину — и для этого выбрали наше излюбленное место. Вы, наверное, уже догадались, что это был как раз тот ресторанчик «Пак Хай», о котором я писал в начале этой главы. Мы зарезервировали место, испекли торт — на нем красовалась надпись

Любовь никогда не перестает

в виде известной всем дроби $7/40$ — и пригласили две своих семьи: духовную и физическую. Праздновать в кругу друзей, братьев по вере и родных людей — это большое благословение и доброе свидетельство!

Но радость и гармония в нашей семье длились недолго...

Наша последняя фотография с Алиной

Тернистый путь испытаний

В мою жизнь ворвалось новое испытание: у моей любимой жены обнаружили рак на последней стадии. Для меня это было настоящим шоком. И, понимая всю реальность происходящего, я снова взывал к Тому, Кого уже знал, в Кого верил, прося у Него поддержки, утешения и исцеления для моей жены.

Полтора года прошли в отчаянной борьбе, в горячих молитвах и в слезах... Но все было безрезультатно: на моих глазах разрушался храм, называемый плотью. Мы не впадали в полное отчаяние лишь потому, что постоянно получали подпитку от Слова Божьего и поддержку от многих друзей и братьев, которые объединились в молитве и вместе с нами совершали предлежащее нам поприще. Это было время, когда мы переживали свою Гефсиманию, умоляя Небесного Отца, чтобы эта чаша смерти миновала нас, и, как когда-то, преклонив колени, молил Иисус, добавляли:

...Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет.

∞ Луки 22:42

Во время болезни у Алины часто менялось настроение. С одной стороны, она смирилась с тем, что смерть может

нас разлучить, и тогда ее мысли уносились ввысь — и она предвкушала радость встречи с Небесным Отцом, твердо веря в Его обетования. В этом предвкушении, несмотря на физические муки, Божий мир наполнял ее сердце. Но были моменты, когда она смотрела на меня и на наших маленьких деток, сознавая, насколько она нам нужна, и тогда Алина с еще большей энергией боролась за свою жизнь.

Однажды я откровенно признался ей, что хочу оскопиться, так как в период ее долгой болезни у меня не раз возникали проблемы, связанные с внутренним дискомфортом. Она с грустью посмотрела на меня, а потом сказала: «Если я умру, а ты оскопишься, как ты сможешь вновь жениться?»

Болезнь неумолимо брала свое. Она разрушала Алину. На лице моей жены уже была видна печать смерти, но до последнего она мужественно продолжала бороться за жизнь.

В это время мы особенно были близки с Господом, особенно остро ощущали поддержку всего нашего собрания. Как ни тяжело было Алинке, она всегда приходила на собрания, всегда улыбалась братьям и сестрам и всегда благодарила Бога, возлагая на Него все свое упование.

Неожиданно нам позвонила одна сестра из США и сообщила, что в городе Талса, штат Оклахома, есть клиника, где помогают раковым больным на последней стадии. Мы отдали эту нужду в руки Божьи и начали собираться в поездку.

Многие братья и сестры из разных христианских общин и организаций стали жертвовать деньги на лечение. Чем тяжелее были наши испытания, тем больше мы чувствовали заботу со стороны нашей духовной семьи.

Особым благословением для нас была сестра Светлана, которая жила в Талсе. Когда я обратился к ней с просьбой помочь нам с переводом, и она радостно воскликнула: «Для меня это большая честь и привилегия — помочь евреям, моим братьям во Христе!»

К сожалению, получение разрешения на въезд Алины в США заняло несколько месяцев, и когда она, наконец, попала в клинику, было уже слишком поздно. Метастазы поразили легкие, и моей жене уже требовалась полная госпитализация.

Последние десять дней ее жизни мы провели с ней в больнице. Эти дни были наполнены горечью от расставания двух любящих сердец, объединенных девятью годами супружеской жизни, двумя замечательными детками... Но самое главное, что даже перед лицом этой трагедии мы не потеряли то, что всегда было стержнем нашей жизни, — любовь и верность по отношению к Богу и друг к другу.

Большим благословением и утешением для нас в госпитале была все та же сестра Светлана. Она была не только переводчицей, но и делила с нами трепет пред лицом этой трагедии. Света брала отгулы на работе и пропускала дни учебы, чтобы иметь возможность ухаживать за нами; она молилась и плакала вместе с нами, глядя на все происходящее. Несмотря на трагичность ситуации, она удивлялась гармонии наших с Алиной отношений и утешалась ею, получая частицу тепла той любви, которую Господь зажег в наших сердцах.

Света стала свидетелем последних слов Алины, с которыми она обратилась ко мне: «Я хочу жить и служить Богу вместе с тобой!»

В эту ночь Света отказалась идти домой: она осталась, чтобы помочь и поддержать нас в этот скорбный час. Всю ночь мы провели у постели умирающей Алины, горячо молясь, чтобы Бог произвел чудо исцеления, если на то есть Его воля. И утром у нас даже появилась надежда, что, раз Алинка пережила ночь, то, может быть, ей удастся побороть свой недуг... Но врач сообщил, что ей осталось жить не больше часа.

Я склонился над постелью умирающей жены, рыдая, прося прощения за все свои неправильные поступки в разных жизненных ситуациях. Позвонил наш пастор Том и попросил меня прочитать Алине стихи Писания, которые он хотел бы прочитать ей перед смертью. Последние слова, которые Алина услышала в своей жизни, — это стих из Откровения Иоанна 21:4: *«И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни; ибо прежнее прошло»*. Для моей Алинки прежнее уже прошло...

Медсестра, которая находилась в палате и внимательно наблюдала за всеми приборами и показателями, вместе с врачом зафиксировала наступление смерти. Плача, медсестра сказала: «В тот момент, когда ты произнес последние слова стиха, уровень кислорода в крови резко упал. Этими словами ты ее отпустил».

Смириться с потерей было невыносимо тяжело! Но Бог смиренным дает благодать. Он обещал, что любовь никогда не перестанет... Прошло время, затянулись раны, растворилась и ушла горечь потери.

Мы со Светой продолжали общаться, и постепенно наши дружеские отношения переросли в сильное чувство,

Тернистый путь испытаний

которое не смогли загасить ни разница в возрасте, ни различные другие обстоятельства. Господь соединил нас, подарив друг другу и дав нашим детям любящую маму. Бог побудил Свету подарить свою любовь тем, кто в ней так нуждался. И мы все были вознаграждены обильной радостью, потому что Бог, верный Своим обетованиям, оставляет нам каждый раз яркие свидетельства той любви, которая никогда не перестанет.

Света и Мирьям

Глазами ближнего

Так в мою жизнь вошла Светлана. Вся ее жизнь была свидетельством, наполненным светом той любви, о которой можно сказать «Любовь не ищет своего».

Позвольте мне познакомить вас со свидетельством Светы, записанным с ее слов.

Счастливое детство

Во дворе слышны радостные голоса, настроение приподнятое: сегодня мы с молодежью едем на общение. Я всегда любила наши веселые встречи, выезды на природу, посиделки у костра, который, весело потрескивая, согревал нас своим теплом. В грудке сверкающих углей пеклась картошка... Я уже предвкушала, как я буду ее подбрасывать вверх, чтобы не обжечь пальцы, а затем разламывать и вдыхать, наслаждаясь, ее душистый, свежий запах.

Но больше всего я любила петь. В нашей семье все умели и любили петь. С детства я присутствовала на спевках, и каждый раз во время пения меня переполняло особенное ощущение Божьего величия. С особой торжествен-

ностью мы исполняли гимн «Великий Бог». А на природе присутствие Божье ощущалось совершенно реально, здесь особым смыслом наполнялись слова гимна «О, имя Иисуса — нам так сладостно оно».

И вдруг я вспомнила, что обещала одной пожилой женщине навестить ее сегодня, чтобы помочь по хозяйству. Борьба с собой была недолгой. А придя к этой женщине, я увидела полные благодарности и любви глаза и поняла, что сделала правильный выбор. И сразу в памяти всплыли слова Иисуса:

...Был странником, и вы приняли меня... Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне.   ∞ Матфея 25:35, 40

И вдруг мне на мгновение показалось, что в глазах этой женщины я увидела сияющие радостью глаза Иисуса. Мое сердце затрепетало от счастья, и Божий мир наполнил все мое естество.

Дядя Петя

Как приятно, проснувшись утром, ощутить на своем лице теплый солнечный луч! Как сладка утренняя дремота, когда глаза еще не открылись, а голову уже постепенно наполняют первые мысли, потихоньку начинает оживляться память, определяя реальность только что родившегося дня!

К нам сегодня приезжает дядя Петя!

В памяти пронеслись картинки: забор из колючей проволоки, униженные издевательствами надсмотрщиков, голодные, обессиленные от непосильного труда, но не сломленные внутренне наши братья, пострадавшие за веру... И среди них — мой родной дядя Петя.

Он приехал в Америку по просьбе христианских общин, чтобы поделиться с братьями своими воспоминаниями и рассказами о чудных Божьих делах, происходивших за колючей проволокой, о стойкости жен, воодушевлявших своих мужей, которые отбывали заключение, заботившихся о детях и воспитывавших в них веру их отцов.

Вспомнилось, как мы расставались перед отъездом в Америку — и дядя Петя с другими родственниками ободряли нас...

День пролетел незаметно, и вот уже на нашем пороге я вижу знакомое лицо, осененное сияющей улыбкой, и глаза, излучающие Божью любовь. И вновь слышу такие знакомые слова: «Любимая нами и Господом наша племянница Светочка!»

Я всегда удивлялась тому, как мой дядя, при всей своей занятости, всегда успевал увидеть нужды людей и проявить участие ко всем, кто его окружал. Это трогало мое сердце, наполняло душу любовью.

Перед его отъездом нам удалось пообщаться без свидетелей. Такие общения для меня всегда были волнующими, потому что почти всегда дяде Пете удавалось застать меня врасплох неожиданными вопросами. Так произошло и на этот раз. «Светочка, тебе уже двадцать четыре года. Почему ты не выходишь замуж? Это твое решение или, может, нет предложений?»

Внутренний конфликт

Человек всегда надеется на лучшее. Когда смотришь на гусеницу, ползущую по стволу вишневого дерева, понимаешь, что когда-то придет полнота времени — и она станет прекрасной бабочкой, ее крылья будут переливаться всеми цветами радуги на солнце. Я так же уверенно смотрела в будущее, благодаря Бога за то, что родилась в христианской семье и выросла в консервативной баптистской церкви. Я считала свою церковь самой лучшей, а авторитет ее служителей — самым высоким и даже не заметила, как мое сердце наполнилось духовной гордостью, которая уводила меня все дальше от истинного Живого Слова во внешнюю, традиционную жизнь церкви.

Но вот настало время, когда я оказалась на пороге, готовясь выпорхнуть из родительского кокона в суровую самостоятельную жизнь. Внешне все выглядело нормально, но я не чувствовала духовного удовлетворения.

Уже живя в Америке, я с белой завистью смотрела на христиан из других церквей. Меня притягивали их открытость и искренность. Я не понимала, как они могут быть настолько свободными.

Начался серьезный духовный конфликт между привычным для меня, традиционным христианским образом жизни и теми духовными ценностями, которые я видела в жизни других верующих. Стало появляться все больше и больше вопросов, и на них я не находила ответов. Меня не покидало чувство неполноценности собственной христианской жизни. Хотелось понять, для чего я живу и на что я как христианка должна потратить свою жизнь и свои силы.

И тогда я стала молиться, чтобы Бог ответил мне, как дальше жить и чем послужить Ему. Я была уверена, что Бог ответит, потому что Он обещал:

*И взыщете Меня и найдете, если взыщете Меня
всем сердцем вашим.*   ∞ Иеремия 29:13

Я знала, что найду ответ в Писании, и молилась, чтобы Бог послал мне духовного человека, который смог бы меня наставить и дать мне совет, как следовать за Господом в духе и истине.

Самым главным желанием моего сердца стало усыновить ребенка. Мысли об этом постоянно возвращались. Решение уже созрело, и даже наметился план всего процесса. Сегодня я понимаю: это была подготовка к моей будущей жизни.

Когда Небо говорит

Я всегда любила наблюдать за небом после дождя, когда из-за грозových туч пробивается луч света и согревает землю своим теплом. А в небе, словно на картинке, как обещание, данное Богом Ною, всеми цветами переливается радуга, образуя мост, как бы соединяющий два конца света и приглашающий прогуляться по нему.

В жизни не бывает случайностей. Я не переставала удивляться мудрости Божьей, снова и снова перечитывая 138-й псалом, где написано, что в книге у Бога «записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было».

И когда я, молясь, взывала к Богу и просила помощи, Он ответил, правда, не совсем так, как я ожидала. Потому что Господь знает нас лучше и всегда делает для нас больше, чем мы думаем или даже помышляем.

Я искала христианскую атмосферу, где могла бы чувствовать удовлетворение, делая угодное Господу. У меня возникло желание поехать в молодежный христианский лагерь, который проходил в Израиле. Директор этого лагеря — наш хороший знакомый, с ним мы воспитывались в одной церкви. Я всегда уважала этого брата и надеялась в своем сердце, что во время пребывания в лагере получу духовную поддержку и совет. А от мысли, что я побываю в Израиле и увижу Обетованную землю и Иерусалим, меня охватывал благоговейный трепет.

Внезапно этот брат сам позвонил мне, обратившись с необычной просьбой. Его голос был наполнен сочувствием и участием, передавшимися мне. Для меня это было Божьим откровением и большим благословением. Я собиралась ехать в Израиль, чтобы служить Господу, а оказалось, что Израиль сам собрался ко мне, чтобы я послужила ему здесь.

Трудно передать трепетное состояние, которое я испытывала, общаясь с приехавшими из Израиля людьми. Они не были похожи на знакомых мне христиан, но в их присутствии было так легко и спокойно!

Когда я в первый раз увидела Алину, то удивилась, какой силой воли обладала эта сестра. Ее тело было поражено болезнью, следы рака виднелись даже на коже, дыхание было частым и прерывистым; но как горели жизнью ее запавшие глаза, с какими упоением и надеждой она

обращалась к Богу, борясь в молитве со смертельным недугом! С какой благодарностью и любовью она смотрела на меня, когда я помогала ей!..

Я получала массу звонков от ее верующих друзей из Израиля и Америки. Первый раз я встретилась с таким участием и заботой, первый раз я ощутила эту невидимую силу, когда бесчисленное множество христиан, соединившись в молитве, борется за жизнь одной сестры... Но особенно меня впечатлило участие и забота ее мужа, который постоянно звонил из Израиля. Через тысячи километров я чувствовала его боль; мне казалось, он испытывает те же страдания, что и Алина.

В первую ночь я долго не могла уснуть, ночью видя перед собой печальные, но полные любви и благодарности глаза Алины. Утром я поехала к бабушке Ане, у которой жила Алина. Бабушка хлопотала по хозяйству, а Алина сидела в кресле, тяжело дыша, но улыбаясь, и, задыхаясь говорила: «Бабушка Аня, когда я поправлюсь, я вам во всем буду помогать».

Первые несколько дней лечения в клинике прошли успешно, но болезнь прогрессировала: метастазы поразили легкие, и даже кислород из баллона уже не помогал Алине дышать. К вечеру ей стало еще хуже, срочно потребовалась госпитализация. Сестра Джина из Израиля, сопровождавшая Алину в поездке на лечение, сообщила ее мужу, что он должен срочно прилететь.

Через несколько дней я стала свидетельницей встречи этих двух любящих сердец. Трудно передать, насколько трогательным было их общение. На протяжении всех этих трагических десяти дней я наблюдала, с какой нежностью

и любовью Миша относился к своей жене. Усталый, изможденный непрерывными постами и бессонными ночами, он не отходил от жены. Казалось, за это короткое время он хотел отдать ей всю ту любовь, которую она могла бы получить за все будущие годы их счастливой семейной жизни... Их отношения удивляли: я не думала, что муж может любить свою жену с такой самоотдачей, даже в книжках мне не приходилось читать о таком! Я не могла понять, откуда только у него берутся силы выдерживать все это без сна и еды...

В один из дней рано утром я принесла сок для Алины. Она спала, а Миша сидел рядом в кресле. Сначала я хотела уйти, но меня очень сильно влекло к этим людям. Я так наслаждалась их общением, что благодарила Бога за каждую минуту, которую они позволяли мне находиться в их присутствии. Мне страстно хотелось, чтобы произошло чудесное исцеление, и мы вместе усиленно молились об этом. Миша как мог побуждал врачей, прося предпринять кардинальные меры и замедлить развитие болезни. Но, к сожалению, врачи уже ничем не могли помочь Алине.

Наступил критический момент, когда Алину перевели в реанимацию, а нам сообщили, что она не переживет эту ночь. На врачей уже не было никакой надежды, и тогда Алина, сняв кислородную маску, спросила мужа:

— Ты веришь, что Бог меня исцелит?

Я увидела слезы в глазах Михаила и услышала его ответ:

— Я очень этого хочу и молюсь об этом, но я не знаю Божьей воли.

Тогда Алина сказала, обращаясь ко мне:

Миша и Света с Мирьям и Хаимом

— Мой муж — малOVER. — А потом добавила, обратившись к нему: — Я хочу жить и служить Господу вместе с тобой.

Это были последние слова, которые она смогла произнести.

Я не могу выразить сострадание, которым Бог наполнил мое сердце по отношению к Мише и его детям. Кроме этого, я была так благодарна Богу за то, что перед отъездом к детям Миша успел мне рассказать о правильных приоритетах в жизни христианина. Его ответы на мои вопросы были настолько просты и доступны, что было странно, почему раньше я не могла понять такие простые истины!

После того как Миша уехал, наше общение не прервалось. Со временем мы приняли решение соединить наши сердца перед Господом.

Прежде чем принять это решение, мне пришлось пройти через разного рода опасения и колебания. Миша всегда относился ко мне с большим пониманием, всегда в нужное время давал мне мудрые советы... И сегодня, после двух лет нашей счастливой семейной жизни, я понимаю, насколько он тогда был прав во всем. Я безмерно счастлива, что Бог дал мне любящего мужа, который для меня и пастор, и духовный авторитет, и самый близкий человек, настоящий друг, который приходит раньше, чем я успеваю его попросить. Я благодарю Бога за то, что Он дал мудрость моему мужу как главе семейства принять на себя всю ответственность перед Богом, а также за то, что Он помог мне наладить отношения с детьми.

Светочка

Бог с нами

15 февраля 2012 года моя любимая жена Светочка отошла в вечность. Роды ускорили бурный рост раковой опухоли в мозге, и спустя два месяца после родов под давлением быстрорастущей опухоли лопнула главная артерия, что повлекло мгновенную смерть.

Невозможно описать словами боль этой утраты. Она так нежно любила меня, так внимательна была к детям и так счастлива в служении Господу! Оглядываясь назад, я могу назвать ее короткую жизнь одним словом — САМО-ОТДАЧА. Она была счастлива, когда могла сделать счастливыми окружающих.

Заглядывая вперед, я могу сказать: Бог благ. Может быть, многие сочтут меня странным, многие, возможно, скажут: «Как может быть благ Бог, забравший у тебя уже двух жен?» Но я точно знаю, что Сам Господь не оставлял меня. Пройдя печальный опыт потерь, я научился главному: искать лица Господня и просить у Него утешения.

Когда мы только поженились, Света мечтала увидеть хоть одного кающегося грешника. Как она радовалась, когда видела ищущих Бога людей, готовящихся к крещению! Как она была счастлива, когда на ее глазах наш друг Виктор за две недели превратился из неверующего в верующего, ревнующего о Боге! Как она благодарила Бога за моих учеников!

Рождение Иммануеля

За две недели до смерти Светочка посетила реабилитационный центр. Как она радовалась, когда узнала, что пять человек из центра готовятся принять водное крещение! Работая в служении «Евреи за Иисуса», Света органично влилась в команду и трудилась с полной самоотдачей. Она умела увидеть нужды людей и делала все возможное, чтобы помочь им. Светочка радовалась тому, что в служении трудятся мои ученики. Она умела ободрять служителей и проявлять к ним участие. Света обрела настоящих друзей в лице руководителей служения, которые ценили и любили ее, радовались вместе с ней и помогали ей.

А как счастлива она была, кормя грудью нашего долгожданного младенца! В начале нашей совместной жизни у нее был выкидыш, затем долго не получалось забеременеть. Она всегда хотела родить ребенка. Когда, наконец,

она забеременела, все дни, пока она вынашивала нашего сына, она мечтала, чтобы этот ребенок был похож на меня.

Перед родами на женском девичнике (Беби Шауер) Света написала, что мечтает, чтобы ребенок обладал всеми моими качествами. Окружающим она говорила, что Бог оставил на земле одного ангела, и, по счастливому стечению обстоятельств, оказалось, что он — ее муж. А я каждый день благодарил Бога за то, что ее любовь была настолько слепа. Теперь моя Светочка знает, насколько велика разница между настоящими ангелами и мной.

Но мне так ее не хватает!

Когда мы поженились, я готовил Светочку к тому, что когда-нибудь Господь призовет меня, так как я был старше ее на семнадцать лет. Однажды я проводил групповую консультацию с людьми, зависимыми от алкоголя и наркотиков. И, так как это было у нас дома, мы пригласили Светочку и ее подруг, приехавших к нам в гости из Белоруссии, участвовать в этом.

Целью консультации было научиться правильно вести себя в непредвиденной ситуации.

1. Правильно принять эту ситуацию.
2. Найти в Библии места, которые помогут справиться с этой ситуацией.
3. Принять правильное решение.

После этого я обратился к моей дорогой жене со словами: «Дорогая, представь себе, что ты овдовела». Она ответила, что совершенно к этому не готова. Но я все-таки потребовал от нее, чтобы она попыталась выполнить все

перечисленные пункты, мотивируя тем, что хочу, если это случится, чтобы она была к этому готова.

И когда Бог призвал не меня, а Светочку, мне позвонила одна из ее подруг из Белоруссии и сказала: «Ты учил нас, а Бог учит тебя».

Жизнь моей возлюбленной оборвалась так внезапно, что я оказался не готов к тому, что мне самому так скоро придется проходить эти этапы. У меня не осталось свободы выбора, так как Сам Бог поставил меня лицом к лицу перед новым испытанием.

Со всей уверенностью продолжаю заявлять, что Бог благ, несмотря ни на что. Ибо нам, приходящим к Нему, нужно искать у Него не ответы на вопросы, а милость и утешение.

1. Как я принял эту ситуацию

Когда приходит смерть — и ты теряешь родного человека, очень тяжело принять это как свершившийся факт. Все мы знаем, что смертны и что когда-нибудь это произойдет с каждым из нас, как писал Соломон в книге Екклесиаст 7:2:

...Ибо таков конец всякого человека, и живой приложит это к своему сердцу.

Но как трудно это принять, особенно когда ушедший из жизни был с тобой одной плотью! Не принять этот факт

тоже невозможно, ибо и жизнь, и смерть во власти нашего Господа. Можно, конечно, пытаться спорить, обижаться, роптать — но это не поможет, так как мы не сильнее Господа. Единственное, что остается, — верить Ему и в Нем искать утешение.

2. Что Бог открыл мне в Своем Слове

К сожалению, мне уже пришлось пережить печальный опыт потери любимого человека... Но, к счастью, это научило меня доверять Господу и проходить предлежащее нам поприще вместе с Ним.

Во время смертельной болезни моей первой жены Алины, когда счет пошел на дни, я взывал к Господу, моля о том, чтобы Он утешил меня. Неожиданно мне по-новому открылись стихи из Писания:

Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь. Кротость ваша да будет известна всем человекам. Господь близко.

≈ Филиппийцам 4:4–5

Тогда я подумал: «Ну как можно радоваться в ситуации, когда жена уходит из жизни, а ты остаешься с двумя маленькими детьми?» Я начал рассуждать: «Ведь *радуйтесь всегда* — это не пожелание. Не сказано: радуйтесь, когда у вас все хорошо, когда все получается. Радуйтесь — это

повеление Господне, и если мы его не исполняем, то грешим против Бога».

Возникает вопрос: как можно радоваться в скорби? Ведь два эти состояния взаимно исключают друг друга! Но секрет в том, что в Господе можно и радоваться, и скорбеть одновременно, потому что мы имеем такого Бога, доверяя Которому, можно совместить несовместимое. Поэтому в Господе можно одновременно скорбеть о тяжелой утрате и радоваться о чудесном спасении. Чтобы наша радость в этих стесненных обстоятельствах была искренней, а не наигранной, надо научиться смиряться с различными обстоятельствами нашей жизни, зная, что Бог контролирует их и не допустит испытаний, перенести которые было бы свыше наших сил. От нас для этого необходимо лишь научиться кротости и смирению у нашего Господа Иисуса.

Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко.   ≈ Матфея 11:28–30

Бог никогда не дает кротость и смирение просто так — этому нужно научиться. Думаю, что именно в безвыходных ситуациях мы лучше всего учимся полагаться на Бога, и наше свидетельство о Божьей любви и милости становится особенно мощным. Посему написано:

Кротость ваша да будет известна всем человекам. Господь близко.   ≈ Филиппийцам 4:5

Светлана очень хотела, чтобы я трудился в миссии «Евреи за Иисуса». Когда я проходил собеседование, меня спросили: «Чем отличается человек смиренный и кроткий от человека гордого?» Я ответил: «Гордый молится: “Боже, да будет воля моя”, а смиренный и кроткий молится: “Боже, да будет воля Твоя”». Чтобы возрадоваться в Господе, нужно принять Божью волю и смириться с обстоятельствами, в которые Бог нас ставит, ведь Его благая воля не только на Небе, но и на земле.

Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу.

≈ Римлянам 8:28

Чаще всего мы не знаем, почему произошло так, а не иначе. Трагические события, происходящие с нами, — как одна частичка большого пазла. Бог же видит всю картину.

Света была очень кротким человеком, она всегда и во всем искала волю Божью. Все, кто был знаком с ней, в первую очередь отмечали ее жизнерадостность; Света всегда искрилась счастьем. И истина в том, что невозможно радоваться, не имея кротости и смирения в душе.

Перед тем, как мы заключили брачный завет, мы молились и постились. Света приняла решение стать мамой моим детям-сиротам. Спустя годы она сказала: «Я так счастлива, что в тот момент ты мне сказал, что не примешь от меня этой жертвы и мы не поженимся, если между нами не будет любви».

С какой любовью и искренностью она смотрела в мои глаза и говорила: «Котик, ты самый лучший!» А мне оста-

валось только смущаться и удивляться, как эта маленькая хрупкая женщина сумела без микроскопа рассмотреть мои достоинства и не замечать моих недостатков!

Даже сегодня воспоминания о наших отношениях особенно дороги мне.

3. Принятие решения

Со смертью Светы нарушились все наши планы. Мы радостно предвкушали то время, когда я начну трудиться в миссии «Евреи за Иисуса». Эти приятные ожидания очень сильно волновали наш дух. Я был счастлив, что буду заниматься самым любимым делом моей жизни — проповедью Евангелия, а Светочка радовалась тому, что была

Мои дети: Мирьям, Иммануель и Хаим

уверена: у меня все получится и, служа в этой миссии, я смогу очень многое сделать для Господа. Света готова была взять на себя все заботы по дому, заниматься воспитанием детей, чтобы я мог полностью отдаться служению.

Но Господу было угодно, чтобы моим служением в тот момент стала моя семья. Я понимал эту ответственность и принял ее, не ропща: ведь Бог доверил мне воспитывать для Него моих детей. Я всегда говорил Свете, что Бог — главный приоритет в нашей жизни, ведь только Ему мы обязаны всем. Очень часто, когда Бог забирает любимого человека, люди начинают роптать. Но с какой легкостью мы забываем о благословениях, которые Бог нам посылает!

По Своей милости Бог дал мне двух жен, которых я очень люблю, которые подарили мне чудесных детей. И я благодарю Господа за счастливые восемь с половиной лет, прожитых с Алиной, и за пять с половиной не менее счастливых лет, прожитых со Светой.

Светочка всегда говорила, что хочет прожить со мной как можно дольше. И даже если она овдовеет через пять лет, то будет счастлива, что Бог даровал ей этот островок любви и гармонии на земле. Сегодня я говорю, что я счастлив.

Да, Бог взял у меня двух жен. Но, как Он и обещал, Господь близко, он не оставил меня без Своей любви и милости. Ибо никто и ничто не может отлучить нас от самой совершенной любви — любви Христовой, ибо *«...все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас»* (Римлянам 8:37).

Думаю, не случайно мы со Светой назвали нашего сына Иммануель: это имя в переводе с иврита значит «с нами

Бог». Ведь Бог обещал, что, даже если мать оставит грудное дитя, то Бог никогда его не оставит.

Наша потеря, казалось, была невосполнимой. Светочка оставила меня, детей, которым она смогла заменить маму, и нашего с ней сына, который только родился... Но Бог нас не оставил без Своей любви и милости.

Эпилог

Когда годами пребываешь в одном и том же служении, часто не замечаешь, как Бог трудится в сердцах тех, кому ты служишь. На похороны Светы приехали верующие со всего Израиля, даже группа верующих из Эйлата. Настолько дорога для всех была Света, что множество людей собрались почтить память о ней и проводить ее в последний путь.

Сколько теплых слов было сказано! Я думаю, что если бы каждому, кто хотел сказать о ней доброе слово, предоставили такую возможность, эта церемония никогда бы не завершилась.

С Крайнего Севера, из страны полярных льдов, приехали мой друг Виктор и его жена. Не прошло еще и двух месяцев, как они поженились. Увидев, с какими проблемами я столкнулся, они приняли решение, что жена Виктора останется еще на три месяца — помочь мне с грудным ребенком. Из Прибалтики, чтобы помочь мне, прилетела сестра Валентина. Постоянно приходили братья и сестры, приносили продукты и помогали готовить еду. Люди звонили, многие выражали готовность помочь, спрашивали, в чем мы имеем нужду. Отдельные люди и многие церкви жертвовали средства, чтобы я мог служить своей семье, не испытывая финансовых трудностей. Бесчисленное количество людей стоят за меня в молитве...

Иммануэлю год

В дни скорби мне часто вспоминался известный многим рассказ, когда человек видит сон, в котором Бог обещает этому человеку, что никогда его не оставит. На протяжении всей жизни человек видит на песке две пары следов. Когда же приходит самое тяжелое испытание, он вдруг замечает, что на песке одна пара следов... В смятении человек взывает к Господу: «Ты же обещал, что никогда не оставишь меня! Почему же в самую тяжелую минуту жизни Тебя не оказалось рядом?» На что Бог отвечает: «Это Мои следы, сын Мой. Когда ты изнемог и больше не мог идти, Я нес тебя на руках».

Сегодня Бог и меня несет на руках Своей совершенной любви, даруя утешение в скорби и радость Своего присутствия, наполняя мое сердце миром, который превышает всякого ума, и любовью, которая никогда не перестает.

Луч надежды

Как-то раз Свету спросили, где лучше жить: в Америке или в Израиле? Она ответила, что вопрос неверный: лучше жить не где, а с кем.

Родители Светы предложили мне забрать к себе Иммануеля, моего младшего сына, мотивируя тем, что там, в Америке, ему будет лучше, а мне — легче.

Но моя мотивация состоит в том, чтобы жить не там, где лучше и легче, а в том, чтобы жить по истине и правильно. Как я могу отдать своего сына? Даже ближайшим родственникам! Что мне скажут старшие дети, если я так поступлю?

Пришла мысль: «А что если мы все вместе переедем в Америку? Там мы будем вместе с бабушкой и дедушкой, с другими родственниками и друзьями. Мои старшие дети закончат там школу, в совершенстве овладеют английским, а я за это время налажу контакты с американскими церквями и буду связующим звеном между американскими и израильскими церквями».

Эта идея показалась мне заманчивой. Кроме того, в душе зародилась надежда, что я смогу найти в Америке хорошую верующую сестру, которая могла бы стать добродетельной женой мне и заботливой мамой детям, восполнив нашу потерю. Но, как говорится, *«много замыслов*

в сердце человека, но состоится только определенное Господом» (Притчи 19:21).

На подготовку к переезду в Америку ушло около полутора лет... И вот наш самолет стоит на взлетной полосе. Тяжело было оставлять Израиль, ту страну, где прошло мое новое рождение, мое становление как верующего человека, где у меня появилась семья, где я был счастлив с моими женами, где родились и выросли мои дети... Мне вспомнилось, что каждый приезжающий в Израиль называется «оле» (восходящий), а всякий уезжающий — «йоред» (спускающийся)... Но я тешил себя мыслью, что через пять лет мы вернемся обратно. Не думал я тогда, что мне суждено вернуться гораздо раньше.

Первые полгода прошли благословенно. Мои старшие дети пошли учиться в американскую школу, младший ребенок находился под присмотром бабушки и дедушки. У меня, наконец, появилось время заняться своим здоровьем. Я стал ходить в спорткомплекс, и это помогло мне сбросить лишние килограммы и почувствовать себя бодрее.

В это время мы особо сблизились с учительницей, мисс Би Эдвардс, которая охотно вызвалась помочь моим старшим детям овладеть английским языком. В русской церкви дети начали активно учить русский язык. Я стал налаживать связи с американскими церквями и даже провел ряд конференций на тему «Израиль и Церковь».

Помочь мне в этом вызвались мои дорогие братья — Александр Атлас, с которым мы долгое время вместе трудились в Израиле, и коренной израильтянин Эйтан Каштан. Целью этой конференции было предостеречь

церкви от ложных учений: от заместительной теологии, утверждающей, что благословения Божьи, которые Он обещал Израилю, теперь принадлежат Церкви, евреям же принадлежат только проклятия, и от теологии «двойного завета», утверждающей, что евреи спасаются исполнением заповедей Торы, а все остальные — верой в Иисуса. (Теология — это наука, открывающая волю Бога и Его отношение к Своему творению.)

План Божий заключался в том, чтобы через израильский народ благословить все племена земные.

И сказал Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение; Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные.

≈ Бытие 12:1

Я верю, что сегодня никому нельзя доверять, даже самому себе. Но Богу — можно, потому что Он никогда не нарушает Свое Слово. Он пообещал народу землю — и выполнил обещание. Он пообещал произвести народ — и выполнил обещанное, и народ израильский будет существовать вечно. Он пообещал, что благословит имя Авраама, и мы знаем, что ни один народ не знает имени своего прародителя, но все народы мира знают, кто такой Авраам, — отец еврейского народа. Бог обещал благословить благословляющих и проклясть прокли-

нающих Израиль — и мы видим, что благословение народов или проклятие других народов напрямую зависит от их отношения к евреям. Бог пообещал, что в семени Авраама получат благословение все народы, и мы видим, что через евреев все народы пришли к монотеизму, получили Библию и приняли Мессию — Христа Иисуса, *Иешуа ха-Машиаха*, и только через Него мы имеем доступ к Божьей благодати.

Но, к сожалению, во многих церквях существует ложное представление. Так, например, ошибочное утверждение Иоанна Златоуста на заре становления христианства, что Церковь замещает Израиль — и поэтому все благословения переходят от Израиля к Церкви, оказала пагубное влияние на современное христианство. Церковь — народ Божий, но Бог не отверг и Израиль. Искаженное понимание этого вопроса привело к антисемитизму в Церкви и создало дополнительные трудности для евреев в познании своего Мессии. Другая крайность говорит о том, что евреи могут спастись без веры в Иешуа. И это такое же лжеучение, которое умаляет жертву Христа, отрицает Писание и тот факт, что Иешуа пришел, будучи послан *только к погибшим овцам дома Израилева* (Матфея 15:24).

Так в служении и учебе благословенно проходило наше время; но через полгода моя старшая дочь Мирьям внезапно впала в депрессию. У нее пропала мотивация учиться, ее одолевали беспочвенные страхи — и дочка начала уговаривать меня вернуться в Израиль.

Мне очень не хотелось нарушать свои планы, и мы решили переехать в другой город, который находился

в другом штате, где у меня было много друзей. Кроме того, в этом городе было много русскоязычных церквей.

Но это не облегчило ситуацию. Моя дочь все больше и больше погружалась в уныние и депрессию, постоянно уговаривая меня вернуться в Израиль.

Как-то одного еврея спросили:

— Что такое счастье?

Он ответил:

— Счастье — это дети!

— А что такое несчастье?

— А несчастье — иметь это счастье.

Ради благополучия моей девочки мы вынуждены были вернуться в Израиль. Как только мы начали подготовку к возвращению, дочь очень изменилась и с радостью стала считать дни до возвращения.

В один из вечеров на мою электронную почту пришло письмо с христианского сайта знакомств, на который я недавно заходил. Одна из сестер написала мне: «Я намного моложе вас, никогда не была замужем. Не знаю, что заставило меня написать вам, но на вашей страничке я прочитала, что вы хотите сделать счастливой еще одну сестру. А я очень хочу быть счастливой в своей семейной жизни».

Я всегда с некоторой предвзятостью и осторожностью относился к виртуальному общению. Помню, как-то подруга моей Светы приехала в Израиль с целью выйти замуж за человека, с которым она познакомилась на сайте заочно. Потом оказалось, что у человека, вызвавшего ее, была беременная жена, а он морочил голову многим девушкам. Да и из свидетельств сестер, которые общались

Надежда

на этом сайте, я видел, что мало кто остался доволен знакомствами в Интернете.

Но вопреки этому милое личико девушки, написавшей мне, не выходило у меня из головы. Я предложил ей пообщаться в скайпе.

Когда я увидел в скайпе ее приглашение, у меня почему-то забилось сердце, а когда я прочитал ее имя — Шокина Надежда, — у меня перехватило дыхание. Я уже писал о том, что никогда не искал каких-либо знаков или предзнаменований. Но интересно, что название нашей общины в Израиле начиналось со слова «Надежда», а место, где я работал, находилось на улице имени Шокина в Тель-Авиве.

Когда мы начали общаться, выяснилось еще одно совпадение: она вдруг назвала меня *Мишуткой*, сказав, что так звали ее маму в детстве, потому что ее девичья

фамилия была Мишутина. Я улыбнулся и пошутил, что ее мама была Мишутина и стала Шокина, а она была Шокина, а станет Мишуткина. И, как оказалось, в каждой шутке есть доля шутки.

Продолжая общаться, пока еще в скайпе, мы все больше и больше чувствовали расположение друг к другу. Оказалось, что в Израиле у нас есть общие знакомые верующие, приехавшие в Израиль из Красноярска, когда я еще учился в колледже.

В это время я близко сошелся с одним из пасторов — с Леонидом Одесским. Я помогал ему проводить собрания, и мы проводили их в доме Володи и Лены из Красноярска. Они были очень активными членами церкви. Когда их две дочери вышли замуж, они все вместе переехали в город Кацрин, расположенный у Голанских высот. Но, конечно же, всего этого было недостаточно для того, чтобы принять решение.

Ко мне позвонил духовный наставник Надежды Павел Морозов и рекомендовал ее как благонравную сестру, не имеющую замечаний, активную, помогающую в служении помощи вдовам. Кроме того, наши общения в скайпе сопровождались ежедневным обсуждением Библии и разговорами на духовные темы.

Но, конечно же, чтобы принять решение, нам необходимо было встретиться лично. И вот встреча состоялась. Мы вернулись из Америки в Израиль, а Надя прилетела к нам в гости.

Мы провели вместе три недели и за это время поняли, что нам обоим хотелось бы пойти по жизни рука об руку. Со стороны Нади согласиться выйти замуж за че-

Я с женой Надеждой

ловека с тремя детьми было очень непросто. Но путь к счастью всегда непрост, и бывают моменты, когда необходимо сделать шаг веры, возложив все свои надежды на безусловную Божью любовь, *которая никогда не перестает.*

Послесловие

Вот уже прошло три года с начала нашей семейной жизни. Бог подарил нам еще одного сыночка. Мы называли его Лиор — в честь Светы. (На иврите Света — Ора, а Лиор переводится как «мне свет».)

*Обнимал мишку,
а теперь Лиора*

Моя Надюша стала той, в ком я так сильно нуждался, — моей возлюбленной, а для моих детей — мамой.

Все мои детки любят младшего братика, особенно Иммануель. Иммануель учится в первом классе, во французском колледже, где очень высокий уровень образования. Моя дочь Мирьям заканчивает службу в армии и хочет стать воспитателем, как и ее мама. Хаим принял крещение и служит Богу в прославлении.

А я пишу евангельские книги и хочу начать любимое дело — тренинг в поместных церквях, чтобы поделиться

Послесловие

своим опытом в благовестии и быть добрым примером любящего мужа и заботливого отца, чтобы свидетельствовать о любви, которая никогда не перестает.

Прибавилось стрел в колчане

Связаться с автором можно
по электронной почте:

mn7.decision@gmail.com

Барух

www.baruch-books.com

sales@baruch-books.com

Facebook: [Барух](#)

Формат 60x90/16. Об. 6,5 ум.др.арк., 2,78 обл.вид.арк.

Видавництво «Барух», www.baruch-books.com

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК 711 від 12.12.2001